Революционные песни из собрания Бориса Фёдоровича Лебедева

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ПОДРЕЗОВА[1]

✉ PODREZOVA@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0002-8885-4670

[1] Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:
Подрезова, С. В. (2020). Революционные песни из собрания Бориса Фёдоровича Лебедева. *Фольклор и антропология города*, *III*(3–4), 234–268. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-234-268.

В публикации впервые представлено рукописное собрание революционных песен, принадлежащее выпускнику юридического факультета Московского университета, участнику революционного студенческого движения, журналисту, переводчику, соратнику и зятю П. А. Кропоткина, видному революционному и общественному деятелю Борису Фёдоровичу Лебедеву (1877–1948). Помимо оригинальных вариантов известных революционных песен и революционных текстов собственного сочинения, тетрадь содержит черновик резолюции студенческой сходки (9 февраля 1902 года), а также свидетельства революционной биографии ее владельца. Собрание представляет интересный случай записи революционных песен интеллигентом-революционером. Выбор песенных текстов, их тематика и поэтическая топика отражают политические взгляды Б. Ф. Лебедева и повестку студенческого движения конца XIX — начала XX века. В собрание вошли четыре парафразы «Дубинушки», ставшей песенным символом студенческого политического протеста. Наибольший интерес представляет один из малоизвестных текстов «Студенческой Дубинушки» с зачином «Много песен слыхал я в Бутырской тюрьме» (возможно, автором его является сам Б. Ф. Лебедев), сочетающий черты песни-хроники, студенческой песни и революционной поэзии.

Ключевые слова: революционная песня, Борис Фёдорович Лебедев, революционное студенческое движение 1900-х, «Студенческая Дубинушка».

Статья и публикация материала подготовлены при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00615 «Русская революционная песня в первые десятилетия советской эпохи: от фольклора революции к советскому идеологическому проекту»).

Автор выражает огромную благодарность Михаилу Лурье за помощь в архивных поисках материалов и ценные замечания.

Revolutionary songs from the collection of Boris Fedorovich Lebedev

Svetlana V. Podrezova[1]

✉ podrezova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8885-4670

[1] Institute of Russian Literature (Pushkin House) Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

To cite:
Podrezova, S. (2020). Revolutionary songs from the collection of Boris Fedorovich Lebedev. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(3–4), 234–268. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-234-268. (In Russian).

In the following paper a handwritten collection of revolutionary songs is published for the first time. It belonged to the famous public figure Boris Fedorovich Lebedev (1877–1948), a graduate of the faculty of law (Moscow State University), a student revolutionary and later a prominent revolutionary in his own right, a journalist, a translator and also a son-in-law and associate of Pyotr Alexeyevich Kropotkin. In addition to the original versions of famous revolutionary songs and revolutionary lyrics that Lebedev had composed himself, the notebook contains a draft of a resolution from a student meeting (1902, February 9), as well as some evidence of the revolutionary biography of the owner. The collection presents an interesting case of revolutionary songs being recorded by a revolutionary intellectual. The choice of song texts, their themes and poetic topics reflect the political views of B. F. Lebedev as well as the agenda of the student revolutionary movement of the late 19th — early 20th century. The collection includes four paraphrases of "Dubinushka", which became a song symbol of student political protest in Russia. Of greatest interest are the lyrics (probably authored by Boris Lebedev himself) of the "Student Dubinushka" that begin with "Mnogo pesen slyhal ya v Butyrskoy tyur'me" ('I have heard many songs in the Butyrka prison') and share the characteristics of chronicle songs, traditional student songs and revolutionary poetry.

Keywords: revolutionary songs, Boris Fedorovich Lebedev, revolutionary student movement of the 1900s, "Student Dubinushka".

Рукописные собрания революционных песен среди сохранившихся эго-документов начала XX века — явление нечастое. Отчасти потому, что многие из подобных собраний оседали в судебных материалах в качестве вещественных доказательств, терялись среди конфискованных документов или уничтожались самими революционерами из соображений конспирации. В то же время немногочисленные сохранившиеся записи, будучи оторванными от своих владельцев, почти ничего не могут сказать о контексте их появления и использования. Публикуемому собранию в этом смысле повезло: оно не только сохранилось в ряду других документов своего создателя[1], но и само сохранило следы его политической биографии. И хотя знакомство с другими материалами фонда вызвало больше вопросов, чем ответов, оно позволило оживить, с одной стороны, тетрадные записи, убедив нас в том, что ни одна из них не является случайной, но контекстуально связана с песенными текстами, с другой — фигуру самого Бориса Фёдоровича Лебедева.

[1] Тетрадь с песнями — первый документ в его личном фонде: [РГАЛИ. Ф. 1786 (Лебедев Б. Ф.), оп. 1, ед. хр. 1].

Борис Фёдорович Лебедев

Об авторе публикуемого документа в литературе можно почерпнуть лишь самые скудные сведения. Процитируем наиболее насыщенную данными биографическую справку: «Лебедев Борис Фёдорович (1877–1945[2]) — переводчик, журналист. В 1905–1912 годах печатался в газетах „Речь", „Русское слово", журналах „Театр и искусство", „Рампа и жизнь" и др. В 1907 году эмигрировал в Англию вследствие преследований за участие в студенческих волнениях. В 1907–1915 годах — профессор русского языка и литературы Ливерпульского университета. Один из первых в России переводчиков пьес Б. Шоу. В 1915 году вернулся в Россию. В 1919–1928 годах — сотрудник НКИД РСФСР/СССР. В 1922 году — чрезвычайный уполномоченный РСФСР со специальной миссией при правительстве Китайской республики. С 1928 года — сотрудник иностранного отдела Магнитостроя, преподаватель английского языка в Институте красной профессуры» [Староверова 2005: 548–549].

Обнаруженные нами биографические источники, письма, а также рассыпанные в литературе отдельные упоминания раскрывают более разносторонний образ Б. Ф. Лебедева — не только журналиста, переводчика и преподавателя английского языка, но и революционного деятеля и активного участника важных событий политической и общественной жизни. Публикуемая ниже тетрадь занимает среди этих источников уникальное место.

Б. Ф. Лебедев родился в 1877 году в семье священника Фёдора Лукича Лебедева и его супруги Веры Дмитриевны[3]. Место своего рождения в документах он не указывал, однако логично предположить, что он родился в городе Козлове (ныне — Мичуринск) Тамбовской губернии, там же, где родился его старший брат Владимир Фёдорович (1871–1952), известный актер, служивший в московском Малом театре (см. о нем: [Мас 1964, Бойко, Мясников 2005]). В 1876 году отец Лебедевых Фёдор Лукич состоял священником Николаевской богаделенской церкви, в 1899–1900 годах был законоучителем одноклассного женского училища при станции Козлов Рязанско-Уральской железной дороги (РУЖД)[4]. Помимо Бориса и Владимира, в семье было еще два сына — Константин и Вениамин[5].

Борис Фёдорович окончил юридический факультет Московского университета. Следуя примеру старшего брата Владимира, который в 1896 году за участие в революционной деятельности был заключен в Бутырскую тюрьму[6], а затем сослан в Козлов, Борис принимал активное участие в московском студенческом движении конца XIX — начала XX века, свидетельства чего сохранила публикуемая ниже тетрадь. Так, вслед за несколькими текстами революционных песен рукой Б. Ф. Лебедева написан черновой вариант резолюции (см. ниже текст [8]), принятой на знаменитой

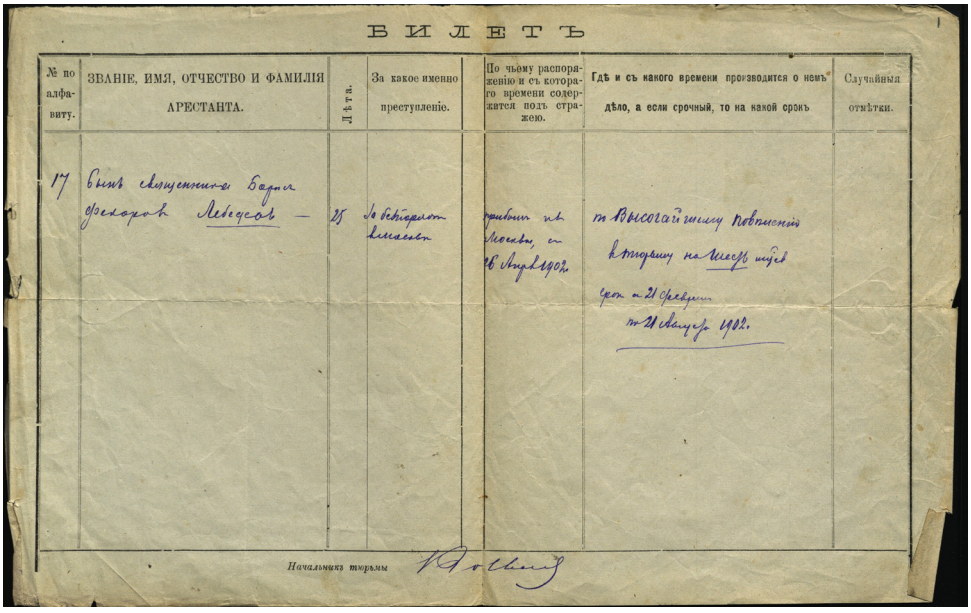
[2] Тот же год смерти Лебедева указан в издании: [Старостин 1980: Примеч. 43], однако, по всей видимости, эта дата неверна. Подробнее см. об этом ниже.

[3] См. фотографии, в подписях к которым упоминаются близкие родственники Б. Ф. Лебедева: «Фотографии Лебедевых: Фёдора Лукича (отца), Веры Дмитриевны (матери), Анны Лукиничны и Любови Дмитриевны (теток), Бориса Фёдоровича, Константина Фёдоровича, Вениамина Фёдоровича (братьев)» [РГАЛИ. Ф. 2055, оп. 1, ед. хр. 167]. Принадлежность Б. Ф. к духовному сословию упоминается единственный раз в «Билете» о заключении его в тюрьму *(Илл. 1)*.

[4] См. материалы электронного ресурса Мичуринского краеведческого музея: [https://mkm68.ru/alfavit-familij-g-kozlova/244-familii-goroda-kozlova-na-bukvu-l].

[5] РГАЛИ. Ф. 2055, оп. 1, ед. хр. 167.

[6] В. Ф. Лебедев в 1891–1896 годы учился в Московском университете. Об этой и других деталях его биографии см. Электронную энциклопедию «Тамбовский край. РФ» [https://xn----7sbbcf0bhcedpz6aij.xn--p1ai/wiki/1/8327/].

БИЛЕТЪ

№ по алфавиту.	ЗВАНІЕ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛІЯ АРЕСТАНТА.	Лѣтъ.	За какое именно преступленіе.	По чьему распоряженію и съ котораго времени содержится подъ стражею.	Гдѣ и съ какого времени производится о немъ дѣло, а если срочный, то на какой срокъ	Случайныя отмѣтки.
17	Вин. студента Бориса Федорова Лебедева	25	За беспорядки в Москве	прибыл в Москву, с 18 Янв. 1902 г.	т. Высочайшему повелению в тюрьму на месяц шесть суток с 21 февраля по 21 января 1902.	

Начальникъ тюрьмы

Илл. 1. Билет о заключении Б. Ф. Лебедева в тюрьму (РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1)

общестуденческой городской сходке-митинге, состоявшейся в стенах Московского университета 9 февраля 1902 года. По мнению историков, это событие стало кульминационным моментом и наиболее ярким эпизодом студенческого политического движения начала XX века [Веселая 1974: 14]. Сходке предшествовала тщательная подготовка, в которой, вероятно, принимали участие также члены РСДРП. Так, в период с 6 по 13 февраля в Москве было распространено несколько тысяч экземпляров листовок 19 студенческих организаций и Московского комитета РСДРП [Гусятников 1971: 79–80]. Как пишет П. С. Гусятников, исследовавший студенческое движение рубежа веков,

> к 12 часам дня 9 февраля в актовом зале Московского университета собралось более 600 студентов и курсисток — представителей московских высших учебных заведений. Председательствующий общегородской сходки член "Исполнительного комитета" А. Колмогоров предложил обсудить программу политических требований, выработанных комитетом. 102 "академиста" в знак протеста против принятой большинством политической программы сходки покинули собрание. <...> После горячих дебатов по вопросу о целях студенческого движения сходка единогласно (518 голосами) приняла <...> резолюцию [Гусятников 1971: 80–81].

В этой студенческой резолюции впервые были сформулированы политические лозунги, призывающие к демократическому переустройству страны, и выражена солидарность с рабочим движением[7]. Резолюция была поддержана социал-демократами: 10 марта отчет о сходке и резолюция были опубликованы в «Искре»[8]. Черновая рукопись студенческого манифеста —

[7] Подробнее о сходке и ее значении см., например: [Веселая 1974: 14–15; Кузин, Протопопов 1999: 33] и др.

[8] См., например: [ГАРФ. Ф. 124, оп. 10, ед. хр. 442/901, л. 160]. См. также: [Журнал 1902: 340, Гусятников 1971: 69–70]. В литературе упоминается и гектографическое издание резолюции: [ГАРФ. Фонд 1741. № 29045]. В советское время резолюция неоднократно издавалась и вошла в учебники и хрестоматии по истории — см., например: [Ушаков 1979: 59] — текст резолюции опубликован по документу: [ЦГАОР. Ф. ДП, ед. хр. 3, ч. 150, т. 2, пр., л. 33] и [Орлов, Георгиев и др. 2007: 344–345].

со вставками и исправлениями — позволяет предположить, что владелец тетради Борис Лебедев не только принимал участие в студенческой сходке, но возможно, был одним из ее организаторов и авторов манифеста.

Известно, что за участие в сходке около 500 студентов были приговорены к тюремному заключению на срок от 3 до 6 месяцев. Среди арестованных оказался и Лебедев. Согласно тщательно сохраненному им билету (*Илл. 1*), а также внесенному в тетрадь черновику прошения на имя Прокурора Судебной палаты, составленному Лебедевым в Московской Губернской (то есть Таганской) тюрьме, он был арестован 21 февраля 1902 года, 3 апреля ему был вынесен приговор о тюремном заключении на срок 6 месяцев, 26 апреля Лебедев был этапирован из Москвы и отбывал наказание вплоть до 21 августа 1902 года (на основании известных нам документов место заключения установить не удается).

По возвращении из заключения Лебедев продолжил участие в революционном движении в качестве журналиста. В одном из более поздних документов[9] он упоминает свою работу редактором в подпольном журнале «Народный вестник», сотрудничал он и с другими изданиями (см. выше цитату), одновременно находясь на службе в качестве помощника присяжного поверенного[10]. В 1907 году он был арестован, как он сам обозначил — «по делам печати», бежал из-под ареста «от преследования правительства» в Англию[11], где находился до декабря 1915 года[12]. В эмиграции Лебедев продолжил журналистскую деятельность, работая в русских газетах «Речь», «Русское слово»[13]. В конце 1910 года Борис Лебедев женился на Александре Кропоткиной — дочери известного российского философа, ученого и политического теоретика П. А. Кропоткина[14], и вместе с ней поселился в Лондоне (Ладброук Гроув, Кенсингтон), где молодожены вели жизнь свободных журналистов [Прусский 2012: 144]. Судя по переписке П. А. Кропоткина и воспоминаниям его родных, революционер очень нежно относился к своему зятю[15]. 21 июня 1911 года он написал Джеймсу Мейвору:

> Как вы уже знаете, Саша вышла замуж за Бориса Лебедева, симпатичного молодого русского, которого я и Соня очень любим.
> Оба они много работают для той русской газеты, корреспондентом которой в Англии является Борис[16] [Слэттер 1995: 148–149].

[9] Анкета на бланке Управления по охране авторских прав Союза советских писателей СССР, заверена секретарем 9 сентября 1936 года [РГАЛИ. Ф. 2452, оп. 2, ед. хр. 226, л. 2 об.].

[10] «Трудовой список», 1906 год [РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 35, л. 14 об.].

[11] «Анкета для регистрации авторских счетов Управления по охране авторских прав Союза советских писателей СССР», «Трудовой список» [РГАЛИ. Ф. 2452, оп. 2, ед. хр. 226, л. 2 об.; ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 35, л. 14 об.].

[12] См. его письмо кн. А. И. Сумбатову-Южину от 31 декабря 1915 года, отправленному Лебедевым, согласно штампу, из Петрограда [РГАЛИ. Ф. 878, оп. 1, ед. хр. 1331, л. 9–9 об.].

[13] Название газет упоминалось выше, позже в анкете он указывал: «В бытность за границей в эмиграции работал журналистом во многих русских газетах» [РГАЛИ. Ф. 2452, оп. 2, ед. хр. 226, л. 2 об.].

[14] 30 августа 1910 года А. П. Кропоткина писала своей подруге Е. Л. Выдриной: «Я выхожу замуж! Несмотря на все свои заявления, за бедного… русского эмигранта. Я тебе говорила о нем ‹…› Как видишь, даже не из благородного семейства. Но как это ни глупо и несуразно — я его люблю! ‹…› Женимся мы скоро — в ноябре ‹…› Теперь есть шанс, что он будет назначен корреспондентом “Русского слова”. ‹…› Формальностей избежать невозможно, потому что для нашей работы нам нужно “всех знать”! Придется много писать на английском! Пожелай счастья — впрочем, оно и без пожелания будет! ‹…› Сашок» [ГАРФ. Ф. 1129, оп. 3, ед. хр. 531]. Цит. по: [Прусский 2012: 143].

[15] См., например, то же письмо А. П. Кропоткиной: «Счастья, кажется, ничто не может омрачить. Мама и папа страшно довольны — они очень любят Б. — и радуются, что наша семья не только не разбивается, а к ней, напротив, прибавился еще член» [Там же: 143].

[16] «Борис Лебедев был корреспондентом либеральной московской газеты “Русское слово” в Англии». — *Примеч. Дж. Слэттер.*

Лебедев брал на себя функции секретаря Кропоткина, выполняя различные поручения своего тестя вплоть до его смерти[17]. Вероятно, родственная связь с семьей Кропоткиных во многом способствовала вхождению Лебедева в литературные круги Великобритании[18]. Лебедев, как и его супруга, пробует себя в качестве переводчика. В частности, его перу принадлежат одни из первых переводов произведений Сомерсета Моэма (Могэма[19] или Могама[20] в транслитерации Лебедева) и пьес Бернарда Шоу. С обоими писателями он был знаком лично и состоял в переписке по возвращении на родину[21]. Лебедев был членом Московского общества драматических писателей и композиторов РСФСР[22] и членом Союза писателей СССР и регулярно регистрировал авторские права на переводы произведений Шоу и Моэма, а также на собственные пьесы[23]. Некоторые из его переводов до сих пор публикуются[24].

В конце 1915 года Лебедев с супругой «по амнистии» вернулся в Россию[25]. Сначала он работал в Петербурге в качестве представителя железнодорожно-строительной компании[26], а в 1917 году переехал в Москву, где устроился переводчиком в Американское бюро печати[27]. Дальнейшая карьера Б. Ф. Лебедева была связана с Народным комиссариатом по иностранным делам (НКИД), где он продолжил заниматься делами печати и переводами. О той роли, которая отводилась переводчикам в первые десятилетия советской власти, можно судить по словам А. Я. Аросева, руководителя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), референтом которого одно время был Лебедев: «Наши товарищи-переводчики — это очень важные люди. Наши переводчики играют роль заградительных отрядов, которые идут впереди колонны. Иностранцы первые впечатления об СССР получают от переводчиков» [Аллой 1993: 350][28].

[17] Материалами Кропоткина Лебедев занимался и после его смерти. Так, на копии Охранного удостоверения П. А. Кропоткину, подписанному Председателем Совета Народных Комиссаров, содержится надпись: «Подлинник получил. 28.II.1919 г. Б. Лебедев» [ЦГАОР СССР. Ф. 130, оп. 3, д. 351, ч. II, л. 203]. Цит. по: [Старостин 1980. Примеч. 43].

[18] О формировании круга лондонских знакомств молодой четы см. [Прусский 2012: 144]. Александра, познакомившаяся с У. С. Моэмом в Лондоне в 1912 году, стала, по мнению исследователей, прообразом одной из героинь его рассказа «Белье мистера Харрингтона» [Там же: 144]. Ср. также рекомендацию Лебедева, обращенную П. А. Кропоткиным Д. С. Мережковскому [РГАЛИ. Ф. 327, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1 — 2 об. Письмо от 8 декабря 1911 г.].

[19] См., например, письмо Лебедева директору Императорского Малого театра А. И. Сумбатову 16 октября 1916 года, где он объясняет свой принцип, основанный на английском произношении фамилии Моэма [РГАЛИ. Ф. 876, оп. 1, ед. хр. 1331, л. 13–13 об.]. Эту же транслитерацию он использует в анкетах Союза писателей, заполненных им в 1936 и 1938 годах [РГАЛИ. Ф. 2452, оп. 2, ед. хр. 226, л. 3 об., 5].

[20] Ср. надпись на обороте совместной с Моэмом фотографии, сделанной в 1923 году в Пекине: [РГАЛИ. Ф. 2671, оп. 1, ед. хр. 65].

[21] См., например, документы, отложившиеся в фонде Лебедева в РГАЛИ: «Аннотации Лебедева Б. Ф. к пьесам Б. Шоу „Женева“, „Миллионерша“, „Простак с острова Неожиданностей“ (б. д.); «Письма Шоу Джорджа Бернарда Лебедеву Б. Ф.» (на английском языке, 30 марта 1921 — 25 ноября 1939 года) [Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 3, 5] и др.

[22] Членский билет № 2031, оформлен 16 февраля 1929 года [РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 35, л. 19–20 об.].

[23] См. анкеты: [РГАЛИ. Ф. 2452, оп. 2, ед. хр. 226, л. 2–3 об. (1936), 4–5 об. (1938)]. Среди собственных пьес он называл: «На советских задворках», «Ариадна», «Во власти машин» (сопровождено указанием Лебедева «сюжет заимствованный») [Там же. Л. 3 об.].

[24] См., например, издание: [Моэм 2011]. Первое издание романа, написанного Моэмом в 1919 году, в переводе Лебедевых состоялось в 1927 году.

[25] В «Трудовом списке» возвращение означено 1916 годом [РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 35, л. 14 об.].

[26] См. штамп на письмах А. И. Сумбатову-Южину: «Контрагенты по сооружению Мурманской железной дороги: лорд Френч, Братья Бокатон и Ко, сэр Вальтер Юз и Артур Джон Барри, Паулинг и Ко. Представитель Борис Фёдорович Лебедев» (ср., например, упоминавшееся выше письмо от 31 декабря 1915 года).

[27] РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 35, л. 14 об.

[28] Цит. по: [Куликова 2013: 147]. Александр Яковлевич Аросев (1890–1938) — революционер, советский государственный и партийный деятель, сотрудник советских спецслужб, с 1926 года — полпред в Литве, Чехословакии, с 1934 года — председатель ВОКС. Эти слова были сказаны им на собрании актива ВОКС 14 мая 1937 года.

Илл. 2. Преподаватель Оксфордского у[ниверсите]та Борис Фёдорович Лебедев в костюме бакалавра (РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2)

С 1920 года Лебедев — референт отдела печати НКИД. В феврале 1922 года в составе советской делегации он участвовал в Генуэзской конференции. С июля 1922-го по апрель 1927 года возглавлял информбюро Советского полпредства в Китае. 6 апреля 1927 года в Пекине он стал очевидцем (и в известном смысле жертвой) разгрома войсками генерала Чжан-Цаолина и местной полицией квартиры советского атташе и сотрудников Полпредства СССР в Пекине, в результате чего вместе с коллегами спешно покинул Китай[29]. По возвращении в Москву в мае 1927 года Лебедев до 1932 года оставался сотрудником НКИД, в том числе в должности цензора отдела печати и информации[30], референта отдела связи, затем референта «англо-американских стран», в декабре 1928 года «утвержден в должности по ближнему Востоку», с января 1930 года заведует сектором восточных стран. К этому же периоду относится работа Лебедева в ВОКС[31]. В конце 1930 года Лебедев был командирован в Магнитогорск на должность заведующего секретариатом Магнитостроя, где проживала большая колония иностранцев (англичан и немцев)[32]. После ухода из НКИД в 1932 году Лебедев пытался продолжить дипломатическую карьеру: в частности, ходатайствовал перед своим соратником по студенческому движению И. М. Майским о работе в советском полпредстве в Великобритании, но, вероятно, безуспешно[33]. Стоит отметить, что, несмотря на долгую работу в Наркомате иностранных дел и занимаемые должности, требующие как минимум политической благонадежности, наш герой оставался беспартийным (в соответствующих разделах его анкет стоят прочерки)[34].

[29] См. справку: [РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, л. 25].

[30] См., например, ночной пропуск НКИД, выданный Лебедеву 1 января 1927 года: [РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, л. 10].

[31] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей было основано в 1925 году как общественная организация, в задачи которой входила практическая работа по налаживанию и расширению культурных контактов СССР с другими странами, в 1958 году преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

[32] См. письмо Б. Ф. Лебедева И. М. Майскому [АРАН. Ф. 1702, оп. 4, д. 533, л. 2], пересказ содержания которого дан в комментарии к ответному письму И. М. Майского: [Бойко, Мясников 2005: 392].

[33] См. его письмо, упоминаемое выше. Это же следует из ответного письма И. М. Майского из Лондона в Магнитогорск от 23 декабря 1932 года: «Кто знает, может быть, нам еще удастся вместе поработать. В данный момент ничего подходящего для Вас в полпредстве нет, но на будущее не зарекаюсь. Во всяком случае, буду иметь Вас в виду» [Бойко, Мясников 2005: 392].

[34] Возможно, до революции Лебедев состоял в партии эсеров, см., например, утверждение Я. Л. Прусского: [Прусский 2012: 143].

С 1933 года он преподает английский язык: с февраля 1933-го по январь 1938 года — в Институте красной профессуры истории, где одновременно был заведующим сектором и заведующим Кабинетом Института языков, а с марта 1938 года — в Московском государственном педагогическом институте[35]. Б. Ф. Лебедев ушел из жизни в 1948[36] году.

Собрание революционных песен

Публикуемая рукопись представляет собой небольшую, сильно потрепанную школьную тетрадь в клетку без обложки и заглавия и несколько вложенных в нее листков другого формата с текстами революционных песен. Некоторые тексты внесены Б. Ф. Лебедевым скорописью и содержат множественные исправления, другие представляют собой беловые записи, сделанные чернилами ровным почерком. Открывают тетрадь (л. 1–2) математические расчеты, на полях нескольких листов Лебедев тренировался в написании своей подписи (л. 3 об., 8 об., 9, 10).

Бóльшая часть включенных в собрание песен (8 из 10, одна из которых представлена двумя вариантами) относится к базовому набору песен русского революционера социал-демократических убеждений рубежа XIX–XX веков, впоследствии составившему канон русской революционной песни: это «Варшавянка» («Вихри враждебные веют над нами»), «Славное море — священный Байкал», «Дума ткача» («Мучит, терзает головушку бедную»), «Революционная Дубинушка» («Много песен слыхал я в родной стороне»), «Марсельеза» П. Л. Лаврова («Отречемся от старого мира»), «Похоронный марш» («Вы жертвою пали в борьбе роковой») и революционный гимн «Беснуйтесь, тираны». Кроме того, в собрание вошли тексты трех менее известных песен, прагматика которых тесно смыкается со студенческим революционным движением 1901–1902 годов: два варианта классической «Студенческой Дубинушки» («Удивил царь весь мир», один из них [5[37]] записан в тетради, второй [11] — на отдельном листке), черновой текст тюремной «Студенческой Дубинушки» («Много песен слыхал я в Бутырской тюрьме», [10]) и вариант стихотворения Галины Галиной «Лес рубят… молодой еще, совсем зеленый лес» (1901), позднее положенного на музыку и бытовавшего в качестве песни (см. текст [12] и примечание к нему). Все тексты, внесенные в тетрадь [1–7], в той или иной степени содержат следы правки, которая отражает процесс кристаллизации революционной песни; в некоторых случаях разночтения выписаны над строкой как возможные варианты.

Помимо песен, в тетрадь записаны проект резолюции и черновик прошения на имя прокурора Судебной Палаты, что говорит о том, что тетрадь была при Лебедеве в тюремном заключении. На отдельном листке приведен небольшой список политической литературы, в котором упомянуты работы Энгельса, Плеханова, Гурвича и др.

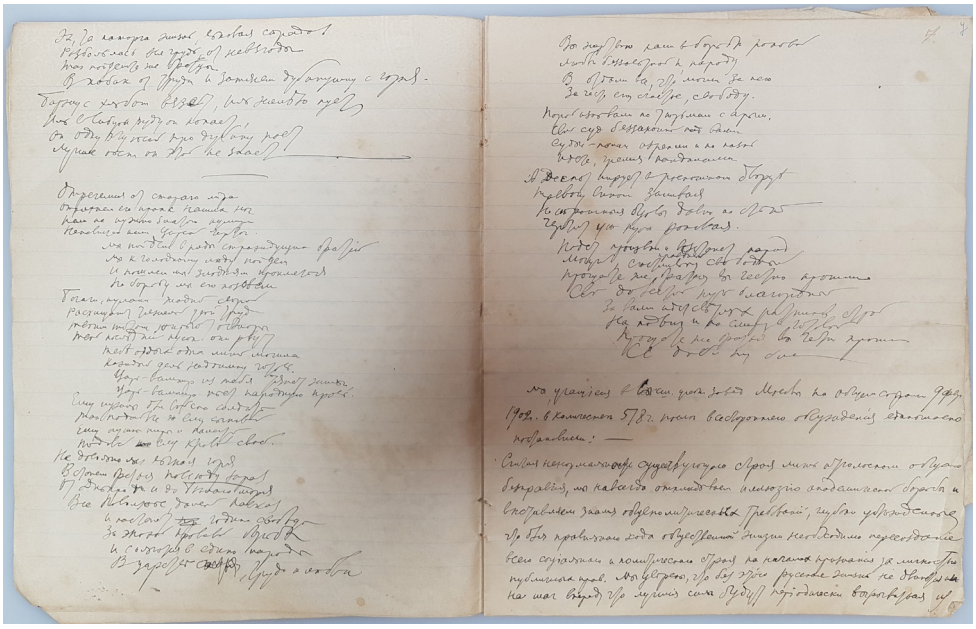
Если тетрадные записи по принципу соположенности можно отнести к началу 1902 года, то записи песен на листках имеют иную датировку и связаны с участием Лебедева в студенческих событиях 1901 года, о чем подробнее будет сказано ниже.

По всей видимости, в собрании отразился основной революционно-песенный репертуар московских студентов первых лет XX века, когда

[35] Сведения о работе приводятся по трудовому списку: [РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 2, ед. хр. 35, л. 13–16].

[36] Эта дата указана в описании фонда Б. Ф. Лебедева (1786), хранящегося в РГАЛИ [https://rgali.ru/obj/10467239].

[37] Здесь и далее номера даются по настоящей публикации.

Илл. 3. Фрагмент тетради Б. Ф. Лебедева с записью песен и проекта резолюции (РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6 об. — 7)

студенческое политическое движение быстро набирало силу. Провозглашаемые в песнях позиции отражают актуальную для студенческого движения тех лет повестку, прежде всего — требование об отмене «Временных правил 29 июля 1899 г.», согласно которым провинившиеся студенты подлежали «удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности» [Полное собрание законов 1902: 935. № 17484] (см. песни «Удивил царь весь мир» и «Лес рубят…»), а также солидарность с рабочим революционным движением. Вместе с тем, как видно из записей Лебедева, студенческая среда впитала знаковые песни, возникшие еще в народовольческой среде («Дума ткача», «Славное море — священный Байкал», «Рабочая Марсельеза», «Революционная Дубинушка», «Похоронный марш»), а также быстро подхватила новые, недавно зазвучавшие боевые революционные гимны («Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны»).

Студенческие «Дубинушки»

Отдельного внимания и развернутого комментария заслуживают тексты «Студенческой Дубинушки». Помимо интересного варианта «Революционной Дубинушки», «Дубинушка» представлена в собрании Лебедева двумя другими самостоятельными текстами — классической «Студенческой Дубинушкой» с зачином «Удивил царь весь мир» (в двух вариантах), развивающей тему «Временных правил», и еще одной практически неизвестной вариацией — «Много песен слыхал я в Бутырской тюрьме…», повествующей о событиях студенческой демонстрации. Ни одна из этих записей не имеет заглавия и указания на напев, однако последний хорошо узнаваем по стихотворному размеру и строфике (четырех/трехстопный анапест, катрен с чередованием мужской и женской клаузулы) и безошибочно идентифицируется по текстуальным отсылкам к «Дубинушке».

Такое количество вариаций «Дубинушки» в одном собрании (4 из 11 песен) говорит о ее особом значении в студенческой среде. Существует множество свидетельств того, что «Дубинушка» была песенным символом студенческого политического протеста. На это указывал М. С. Друскин в работе 1935 года: «Из числа песен революционного действия, получивших распространение в студенческой среде, должна быть упомянута повсеместно известная и до сих пор еще нередко исполняемая „Дубинушка". ‹…› „Дубинушка" была своеобразным революционным гимном студенчества. К тому же, следует прибавить, примерно до второй половины девяностых годов прошлого столетия — и единственным. Ибо лишь в то время начала расти популярность „Марсельезы", этого второго неизменного спутника всех студенческих сходок и демонстраций» [Друскин 1935, 18–19]. А. А. Шилов в комментариях к неизданному собранию русских революционных песен уточнял: «„Дубинушка", распространенная, главным образом, среди революционной молодежи и особенно студенчества (имеется в виду время, начиная с 80-х годов XIX века. — *С. П.*), дошла до нас с целым рядом изменений и в рукописных стихотворных сборниках, и в многочисленных печатных революционных песенниках»[38].

Суждения исследователей подтверждаются данными, имеющими в том числе и прямое отношение к рукописи Лебедева. Приведем фрагмент описания уличной демонстрации, устроенной 19 февраля 1901 года студентами Харьковского университета против «отдачи их в солдаты и против насилий полиции»:

> Весть об избиении и аресте студентов-демонстрантов (организаторы демонстрации допустили серьезную ошибку, назначив уличное шествие на полдень, когда рабочие не могли принять в ней участие) быстро облетела все кварталы города: у полицейского участка, где содержались арестованные демонстранты, собралась многочисленная толпа рабочих, студентов и интеллигентов. Один из очевидцев так описывает повторную демонстрацию в тот день: «Вечером небольшая группа студентов с пением "Дубинушки" двинулась на Сумскую улицу. Образовалась многотысячная толпа (тысяч 4–5), пение было подхвачено возвращающимися с работы рабочими, и грозное море голосов зашумело [Гусятников 1971: 52].

В кульминационный момент сходки-митинга в Московском университете 9 февраля 1902 года, согласно документам, «из окон университетских аудиторий неслись слова „Варшавянки", „Марсельезы", „Дубинушки". Студенты вывесили красные флаги с надписью „Свобода!"» [Гусятников 1971: 82].

О значении «Дубинушки» в студенческой перформативной практике оставили свидетельства современники тех событий. Так, Г. П. Федотов вспоминал: «Тысячи бунтовавших студентов именно в „Дубинушке", а не „Марсельезе" (всего менее в „Интернационале") находили адекватное выражение вольнолюбивым своим чувствам» [Федотов 1991: 164]. Один из лидеров правых кадетов А. С. Изгоев (Ланде), сопоставляя русского студента с немецким корпорантом, в 1909 году писал: «У нас же и в кабаках и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и „Дубинушку", и „Укажи мне такую обитель"» [Изгоев 1991: 107].

По наблюдению А. А. Шилова, «студенческие волнения 1899–1901 гг. и особенно сдача в 1901 студентов в солдаты на основании временных правил 29 июля 1899 г. впервые нарушают канонический ольхинский текст»[39].

[38] РО ИРЛИ. Р. V, к. 102, п. 3, 484.
[39] РО ИРЛИ. Р. V, к. 102, п. 3, 487.

То есть существенная трансформация впервые коснулась песни именно в среде студентов, что, по мнению Шилова, «естественно, так как „Дубинушка" преимущественно и бытовала в студенческой среде»[40]. Приведем более пространный фрагмент комментария исследователя к упомянутому выше сборнику.

> В 1901 г. не только вносится в текст «Дубинушки» новая строфа:
>
> Но настанет пора, погибнет студент,
> Одевает шинель он солдата.
> Вместо высшей борьбы он идет на войну,
> Подымает он руку на брата[41],
>
> но и создается специальная студенческая «Дубинушка» («Удивил царь весь мир»), текст которой приведен целиком в Приложении II, № 26. Эта «Дубинушка» построена на противопоставлении предложения Николая II сократить вооружение, рассматривавшегося на Гаагской мирной конференции в 1899 г., массовой сдаче в солдаты студентов в 1901 г.: «милосердной рукой пополняет полки молодежью». В этой «Дубинушке» особенно характерна предпоследняя строфа, в которой видно стремление революционного студенчества связаться с общим массовым движением:
>
> И не день, и не ночь тот рабочий народ
> Весь готов для борьбы за свободу.
> И ведь долг наш восстать помогать
> Сбросить с плеч вековую невзгоду[42, 43].

В собрание Лебедева, как уже говорилось, вошло два варианта «Студенческой Дубинушки». Один текст [11] размещен на отдельном листке и содержит указание на время и место: 19 марта 1901 года, Харьков *(Илл. 4)*. Накануне этой даты, 18 марта, в Харькове прошла большая студенческая демонстрация, которая продолжалась весь день и переросла в столкновение с казаками [Гусятников 1971: 59]. Вне сомнений, звучала здесь и недавно созданная «Студенческая Дубинушка». Автограф Лебедева позволяет предположить, что он был свидетелем или даже принимал участие в демонстрации студентов Харьковского университета, где и записал набело новую «Дубинушку». Нельзя не заметить еще одной интересной детали — на одном из листков теми же чернилами записано стихотворение Галины Галиной, сочиненное поэтессой в ответ на отдачу в солдаты 183 киевских студентов в январе 1901 года за участие в «крамольных действиях» и впервые прочитанное ею незадолго до харьковской демонстрации — 19 февраля 1901 года в петербургском «Союзе писателей»[44].

Второй вариант «Студенческой Дубинушки» внесен в тетрадь после пространной «Революционной Дубинушки» (19 строф) — вероятно, ближе к событиям 1902 года. Эти два варианта различаются не только текстуально, но также и по характеру записи: оба текста разбиты на строфы, но разбивка по-разному оформляется графически, во втором случае — каждая

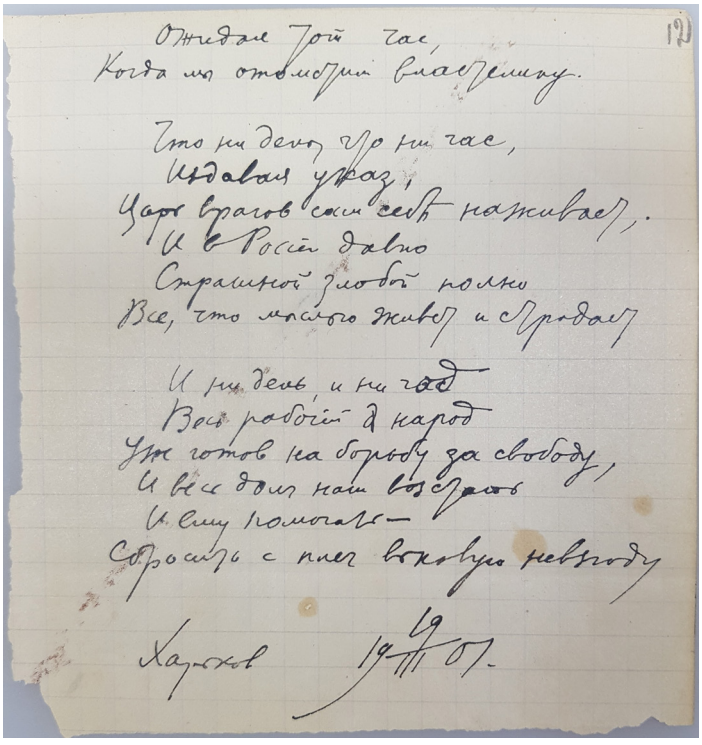
[40] [Там же: 487]. Ср. его же замечания о включении в текст двух строф из стихотворения А. А. Ольхина «У гроба» («Там, где Плевна стоит» и далее — см. в собрании Лебедева текст [4]): «Любопытно, что обе строфы снова всплыли в "Дубинушке" в 1896 г. среди московского студенчества, отметившего сходками и демонстрацией полугодовщину Ходынской катастрофы» [Там же: 485].

[41] В версиях «Дубинушки», представленных в собрании Лебедева, эта строфа отсутствует.

[42] Ср. варианты этой строфы в текстах из собрания Б. Ф. Лебедева [5, 11].

[43] РО ИРЛИ. Р. V, к. 102, п. 3, с. 487–488.

[44] А. Дун приводит выдержку из агентурного донесения: «19 февраля по окончании вечера в Союзе писателей 28 человек отправились ужинать к Палкину… В числе присутствующих были: …Галина (читала в Союзе стихотворение о "молодом лесе", который рубят, по поводу студенческих волнений)» [Дун 1963: 163].

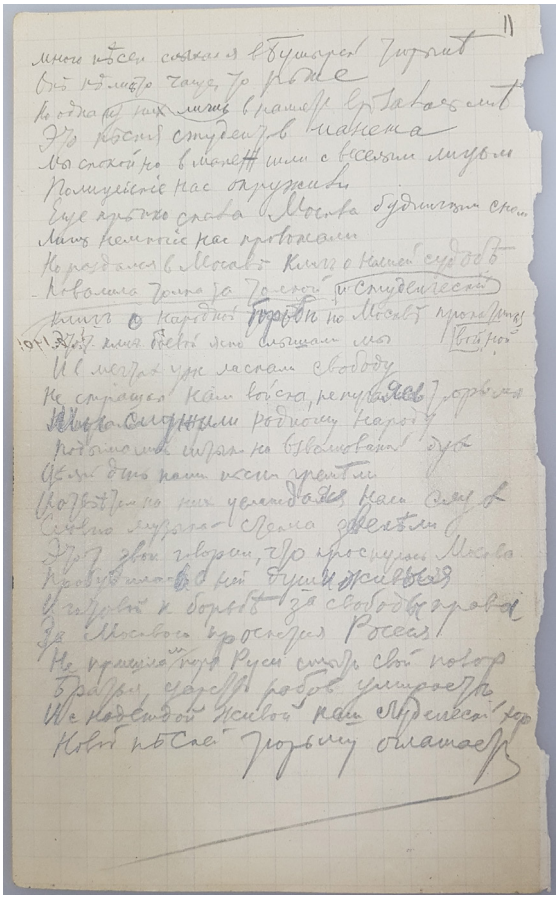

Илл. 4. Фрагмент «Студенческой Дубинушки». Автограф Б. Ф. Лебедева (РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 1, л. 12)

из длинных нечетных строк делится на две. Очевидно, они попали в тетрадь Лебедева из разных источников. Таким образом, записи Лебедева фиксируют «первые шаги» этой песни в революционной студенческой среде и иллюстрируют гибкость ее траектории.

Особый интерес представляет версия «Дубинушки» «Много песен слыхал я в Бутырской тюрьме…» ([10], *Илл. 5*), повествующая о событиях студенческого выступления у Манежа и сочетающая черты песен-хроник, традиционной студенческой песни и революционной гимнической и лирической поэзии. Текст песни написан на отдельном листке того же формата, что и «Студенческая Дубинушка» ([11], ср. *Илл. 4*), и представляет собой черновой автограф Лебедева, записанный карандашом, со множественными исправлениями. Этот текст песни не встречается ни в одной из известных нам публикаций. Единственное упоминание песни с подобным зачином, причем именно как «Студенческой Дубинушки», обнаружилось в предисловии П. Г. Ширяевой к сборнику «100 песен русских рабочих» [Ширяева 1984: 9–10][45]. Логично предположить, что этот текст был известен Ширяевой из собирательской работы или из архивных разысканий и, вероятно, отложился в Пушкинском Доме, где работала исследовательница. Однако нам пока не встретился ни один из подобных текстов ни среди письменных документов, ни в аудиозаписи. Нет его и среди материалов «Собрания русских революционных песен», работа над которым шла в Фольклорной секции МАЭ в середине 1930-х годов под руководством М. С. Друскина (под названием «Студенческая Дубинушка» в него вошла классическая версия с первой строкой «Удивил царь весь мир»).

[45] Пользуясь случаем, благодарю Р. И. Фахретдинова за указание на эту публикацию.

Илл. 5. «Много песен слыхал я в Бутырской тюрьме...» Автограф Б. Ф. Лебедева. (РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 1, л. 11)

Случалось ли Лебедеву самому бывать в Бутырской тюрьме, нам неизвестно. Весной 1902 года, как было сказано выше, он писал прошение из Таганской тюрьмы. Вместе с тем подпись «Б. Лебедев» на обороте листка с черновым текстом позволяет предположить, что он является автором этой песни, а упоминание Бутырской тюрьмы в тексте позволяет предположить, что эта версия главной песни революционного студенчества была создана во время заключения в знаменитой Бутырке или по следам пребывания в ней.

Из текста песни не очевидно, каким именно событиям она посвящена. Остановимся на этом вопросе подробнее. В центре песенного повествования — самый острый момент студенческого выступления: столкновение с полицией. Основное действие разворачивается вокруг Манежа, куда, как известно, в ходе нескольких выступлений помещали участвовавших в них студентов. Наконец, в песне есть еще одна важная деталь — упоминание Бутырской тюрьмы. Очевидно, что автор песни апеллирует к еще свежим событиям. Было бы вполне логично предположить, что прототипической реальностью песенного повествования являются студенческие выступления 9 февраля 1902 года, в которых точно участвовал хозяин тетради и от которых в ней остался документальный след — текст резолюции. Однако такие детали, как перемещение студентов в Манеж (события 1902 года развернулись преимущественно внутри университета), продолжительность столкновений, затянувшихся на ночь и утро, наконец, поддержка «толпы», которая зимой 1902 года была предотвращена полицией, отсылают нас к более раннему протестному выступлению студентов, развернувшемуся на улицах Москвы 23–25 февраля 1901 года и повлекшему за собой серьезные репрессивные меры. Напомним, что тогда, «в ночь на 25 февраля под сильным конвоем», студенты были переведены в Бутырскую тюрьму [Гусятников 1971: 54], а позднее за участие в сходках и уличных демонстрациях правление Московского университета исключило из числа студентов 500 человек, часть из них была выслана

из Москвы[46]. В нашем распоряжении имеются три свидетельства, отражающие три различных взгляда на эти события: авторов статьи в «Искре», жандармского офицера, участвовавшего в подавлении сходки, и студента, сочувствующего борьбе своих товарищей.

Первая позиция наиболее близка песенному тексту. Приведем фрагмент из работы П. Гусятникова, восходящий к публикации в «Искре» [47].

> К 12 часам 23 февраля на Моховой улице собралось много народу студенты, курсистки, мастеровые и обыватели, полицейские и дворники. «Со всех сторон летят прокламации»[48], — пишет очевидец.
>
> В актовый зал Московского университета кроме студентов пришли делегаты студенческих организаций Петровской сельскохозяйственной академии, Межевого института, Технического училища, Высших женских курсов профессора Герье.
>
> На этом представительном собрании московского студенчества разгорелись ожесточенные споры по вопросам тактики борьбы с правительством за отмену «временных правил». Сторонники легальных форм борьбы выступали против организации, предлагали послать петицию правительству с просьбой отменить «временные правила». Ораторы — сторонники революционной тактики — агитировали за вынесение протеста на улицу, где он будет поддержан народом. «Студенчество должно добиваться свободы и прав не для себя, а для всего народа, на средства которого оно воспитывается и на служение которому потом понесет свои знания»[49], — заявляли они.
>
> Во время прений в актовый зал университета ворвались полиция и жандармы. На требование пристава «разойтись» подавляющее большинство присутствовавших на сходке отказалось покинуть зал. Тогда жандармский офицер приказал наряду полиции «очистить зал» и перевести всех «ослушников» в манеж. Когда студентов начали переводить в манеж, собравшиеся на площади жители Москвы, среди которых были и рабочие, стали бурно выражать свои симпатии и сочувствие молодежи. В знак солидарности с арестованными в манеж пошли более 100 гимназистов и курсисток, находившихся возле университета и манежа. «Тысячная толпа народа не расходилась до самого позднего вечера... В толпе слышались требования выпустить заключенных, и солдаты должны были взять оружие наперевес, чтобы удержать бушующую массу».
>
> 24 февраля, когда весть о массовых арестах студентов облетела всю Москву, жители с раннего утра начали собираться на площади, прилегающей к университету; по свидетельству корреспондента «Искры», среди них «была масса фабричных и мастеровых», которые пытались взломать двери манежа и освободить арестованных студентов.

[46] В первых числах апреля 1901 года в Московском университете было вывешено объявление, в котором описывалась судьба участников событий 29 января и 23 февраля:
Объявление.
Из числа участников беспорядков, происходивших 29 января и 23 февраля, суду Правления Университета подлежали 495 студентов. По тщательному расследованию и обсуждению степени виновности каждого из них Правление в заседаниях своих 5, 6, 7 и 8 марта 1901 года постановило:
23 студента уволить без прошения;
87 студентов уволить по прошению;
223 студента подвергнуть выговору с предупреждением и, — ввиду того, что эти студенты еще проявляют упорное нежелание дать обещание подчиниться безусловно всем действующим университетским правилам, — обязать этих студентов дать соответствующую подписку; в случае же отказа с их стороны от этого — уволить по прошению;
65 студентов подвергнуть выговору с предупреждением;
45 студентов — выговору от Правления;
52 студента — выговору от Инспекции.
Ректор А. Тихомиров
Цит. по: [Флоренский 2005].

[47] Автор пересказывает и цитирует газетную заметку [Из нашей жизни 1901].

[48] Там же, стр. 57. — Примеч. *П. Г.*

[49] [Титов 1906: 14]. — Примеч. *П. Г.*

Московские власти, опасаясь повторных демонстраций у манежа, в ночь на 25 февраля под сильным конвоем перевели студентов в Бутырскую тюрьму.
В воскресенье, 25 февраля, возбуждение москвичей достигло высшей точки. «Десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственных демонстрациях», среди них были и рабочие Прохоровской мануфактуры [Гусятников 1971: 53–54].

В отличие от искровцев, стремящихся подчеркнуть политическую направленность студенческих выступлений и героизирующих студентов, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов А. И. Спиридович обращает внимание на прозаические детали сходки и стремится показать, с одной стороны, ее спонтанный и хаотичный, с другой — неполитический характер. Упоминает он и исполнение песен. Вместе с тем мы не найдем в этом описании упоминания рабочих и «тысячной толпы народа»:

19 февраля произошли беспорядки в Петербурге и Харькове, а 23 начались они и у нас в Москве. В тот день студенты собрались на университетском дворе, когда же пришла полиция, то студенты взломали двери в актовый зал, где и продолжали сходку. Университетское начальство обратилось к обер-полицмейстеру, по распоряжению которого выходивших со сходки стали задерживать и направлять в манеж на Моховой.
Слух о начавшихся беспорядках распространился по городу. Группы учащихся, вместе с праздно шатающейся молодежью и подростками, появлялись то в одной, то в другой части города и нарушали обычный порядок жизни. Все тянулось к манежу. Иногда толпы начинали петь студенческие песни.
Вызывались усиленные наряды полиции, жандармские эскадроны и казаки, при приближении которых молодежь шикала, свистала и разбегалась, чтобы собраться в другом месте. Наряды направлялись туда, туда скакали и жандармы, беспорядочники вновь разбегались, и так до бесконечности. Происходила какая-то своеобразная игра в кошку и мышку.
С непривычки полиция действовала неумело, неразумно, что только подбодряло демонстрантов и увеличивало общую сумятицу и беспорядок. Больше всего ерунды было в манеже, куда направляли со всех сторон арестованных.
Огромный манеж был полон народу. Студенты, вольные, курсистки, полиция и несколько эскадронов жандармов. ‹…›
На наше счастье в тот год беспорядки в Москве не носили политического характера. Студенческий исполнительный комитет даже выпустил прокламацию, приглашая студентов не участвовать в уличных демонстрациях. Все шло официально под флагом академической борьбы [Спиридович 1928: 83–85].

Третье свидетельство, которое существенно дополняет два предыдущих и дает нам новые важные детали, отражает внутреннюю позицию современника и очевидца, симпатизирующего митингующим, но в сходке не участвовавшего. 26 февраля 1901 года П. А. Флоренский, тогда студент-первокурсник, писал матери:

Дорогая мамочка!
Пишу тебе в довольно-таки неприятной обстановке. Волнение все усиливается и грозит принять серьезные размеры, тем более что одновременно с движением пан-учебным вспыхивает что-то среди фабричных: сегодня была крупная драка на Тверской с полицейскими. 23го февраля была сходка; всех собравшихся загнали казаки в Манеж, где их держали 2 дня и только вчера ночью перевели в тюрьму на Бутырке. Рассказывают о целом ряде самых возмутительных историй, говорят будто запертых студентов полицмейстер обещал «заморить голодом» и т. д. Сей-

час, как говорят, происходит у нескольких человек в Общежитии обыск; да и вообще тут подслушивают, подглядывают за нами по случаю волнений. Сегодня Тверская была баррикадирована скамейками с бульвара, фабричные грозят перевернуть конки и т. д.
‹...› Оставаться в бездействии в скором времени будет невозможно. Может быть, мы будем действовать в том направлении, чтобы подали петицию на Высочайшее Имя с просьбой об отмене «временных правил» [Флоренский 2005].

В тексте тюремной «Дубинушки», помимо характерных мотивов и поэтических клише, восходящих к поэтике революционной песни («клич о народной борьбе», «братья, царство рабов умирает» и т. п.), присутствует и другой стилистический пласт, отсылающий к так называемым песням-хроникам — городским балладам, сочинявшимся по следам получивших огласку трагических происшествий (преступлений, катастроф)[50]. Подобно песням-хроникам, текст песни о событиях в Москве отличает намеренная фактографичность, насыщенность деталями («мы спокойно в Манеж шли с веселым лицом», «лишь немногие нас провожали», «полицейские нас окружили», «целый день наши песни гремели» и т. п.), в повествовательной части используется «газетный» стиль («еще крепко спала Москва будничным сном», «повалила толпа за толпою» и др.), подчеркивается локализация событий — «Бутырская тюрьма», «Манеж», пять раз упоминается Москва. Тем самым конструируется реальность рассказанной в песне истории и документальность самого рассказа. Некоторые выражения в песенном тексте позволяют предположить, что ее автор опирался не (только) на собственные впечатления очевидца и участника событий, но и на изложение этих событий в периодике, возможно, и на текст публикации в «Искре», а именно так в большинстве случаев поступали сочинители городских песен-хроник (ср., например: «весть о массовых арестах студентов облетела всю Москву» — «но раздался в Москве клич о нашей судьбе», «студенчество должно добиваться свободы и прав не для себя, а для всего народа» — «Мы служили родному народу» и т. п.).

Записанная Борисом Лебедевым «бутырская» версия «Дубинушки», таким образом, не только знакомит нас с полным текстом песни, о которой прежде существовало лишь упоминание, но и позволяет сделать некоторые наблюдения о технологии создания новой революционной песни в студенческой среде начала XX века.

***

Мы публикуем содержимое тетради полностью, за исключением образцов подписи Лебедева и неизвестно к чему относящихся подсчетов, встречающихся на разных страницах. В публикации сохраняется последовательность расположения текстов, пунктуация и разбивка на строфы. Написание слов приведено в соответствие с нормами современной орфографии. Нумерация текстов сделана нами в соответствии с порядком их следования (номера заключены в квадратные скобки). Краткие комментарии к песням и текстологические примечания даны после каждого текста песни.

[50] Подробнее об особенностях песен-хроник см. [Белоусов 2012, Лурье 2018].

Русские революционные песни, собранные Б. Ф. Лебедевым[51]

[1]

Вихри враждебные[52] веют над нами,
Тайные[53] силы нас злобно[54] гнетут[55],
В бой роковой мы вступили с врагами,
Судьбы безвестныя нас еще ждут.

Но мы поднимем бодро и смело
Знамя борьбы за рабочее[56] дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир и святую свободу.

На бой кровавый святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ.

2[57]

Мрет с голодухи несчастный рабочий[58]
Не будет он братья больше молчать
Наших подвижников юные очи
Будет ли вид эшафота пугать

В битве кровавой[59] не сгинут бесследно
Павшие[60] честью во имя идей,
Их[61] имена в нашей песне победной
Будут священны мильонам людей.

[62]Нам ненавистны тиранов короны[63],
Цепи[64] народа страдальца[65] мы чтим.
Нашею кровью облитые троны
Мы кровью наших врагов обагрим[66].

Месть беспощадная всем супостатам[67],
Мы всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Наших врагов в крови уже час!

[51] РГАЛИ. Ф. 1786, оп. 1, ед. хр. 1.
[52] Вместо вычеркнутого «мятежные».
[53] Слово вписано сверху над «Грозные».
[54] Слово вписано сверху над «тяжко».
[55] Вся строка первоначально имела вид: «Грозныя силы нас тяжко гнетут».
[56] Слово вписано над прилагательным «великое».
[57] Цифра, очевидно, обозначает повтор припева.
[58] Первоначально строка имела следующий вид: «Мрет несчастный с голодухи рабочий».
[59] Фраза вписана на место вычеркнутого «Мысли великия».
[60] Вставлено вместо вычеркнутого «Верит».
[61] Вместо вычеркнутого «лишь».
[62] Вверху страницы размещены хозяйственные записи, не относящиеся к тексту песни.
[63] Вместо вычеркнутого «чертоги».
[64] Вместо вычеркнутого «Бедных».
[65] Окончание слова переправлено, было: «страдальцев».
[66] Строка, имевшая вид «Мы кровью врагов обагрим», зачеркнута, затем исправлена с добавлением указания «нужно».
[67] Строка дважды исправлена. Первоначальный вид: «Месть [нрзб.] царям и супостата», затем было исправлено на «Месть всем царям супостату».

Черновой текст «Варшавянки» внесен рукой Б. Ф. Лебедева в тетрадь на л. 2 об — 3. «Варшавянка» — один из наиболее популярных революционных гимнов в России. Текст представляет собой вольный русский перевод польского стихотворения Вацлава Свенцицкого Warszawianka (1880 г., первая публикация — 1883 г.), выполненный Г. М. Кржижановским в 1897 году в тюремном заключении в Бутырской тюрьме. Текст, по признанию Кржижановского, был переработан в соответствии с задачами русской политической борьбы. Первые нелегальные публикации «Варшавянки» относятся к самому началу XX века: [Рабочее дело 1900] (первая публикация русского текста); [Песни борьбы 1902] (с подзаголовком «Польская революционная песня»); с нотами в сб.: [Песни революции 1923: 2–3] и др. Мелодия «Варшавянки» восходит к «Маршу зуавов», исполнявшемуся польскими эмигрантами в Париже в середине XIX века. В русской традиции мелодия претерпела существенные видоизменения и именно в этом облике получила мировую известность, см. подробнее: [Друскин 2012: 184–187, 389–392, Гусев 1988: 475]). Текст, вошедший в собрание Б. Ф. Лебедева, близок первому изданию (см. републикацию: [Гусев 1988: 288–289]), с некоторыми разночтениями в выражениях и перестановками слов.

[2]

Славное море — священный Байкал!
Славный корабль — омулевая бочка!
Эй, Баргузин! Пошевеливай вал —
Молодцу плыть недалечко.

Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя.
Добрый[68] товарищ бежать пособил,
Ожил я волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь.
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шел я ночью средь белого дня,
Вкруг городов озираяся зорко.
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море — священный Байкал!
Славный парус, кафтан дыроватый!
Эй, Баргузин! Пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.

Текст песни, записанный рукой Б. Ф. Лебедева черными чернилами, размещен в тетради на л. 3 об. В верхней части листа Б. Ф. Лебедев в разных вариантах опробовал свою подпись.

Текст «Славное море — священный Байкал» представляет собой песенную версию стихотворения «Дума беглеца на Байкале» сибирского поэта, краеведа и этнографа Д. П. Давыдова (первая публикация — 1858 г.) [Давыдов 1863]. Впервые в качестве песни текст был напечатан в журнале «Современник» (1863. № 11. С. 172). С 1904 года публиковалась в массовых песенниках

[68] Вписано над «Старый», что совпадает с литературным источником.

с небольшими разночтениями. Первое издание с нотами: [Гартевельд 1908]. Существуют различные точки зрения в отношении источника мелодии песни, М. С. Друскин и В. Е. Гусев придерживались мнения о ее народном происхождении [Друскин 2012: 424–426, Гусев 1988: 456, 496]. Песня приобрела широкую популярность у ссыльных, среди интеллигенции, в том числе в среде революционеров, включалась в песенники, изданные РСДРП. В версию Б. Ф. Лебедева, как и в большинство песенных вариантов, вошли лишь первые четыре и последняя (11-я) строфы. Наиболее близкие варианты текста: [Песни каторги и ссылки 1930: 105–106; Богуславский, Шишов 1936: 37].

[3]

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машины колес
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.
Эх! да зачем же, зачем же вы льетеся
Горькие слезы из глаз.
Нитки в основе порвались канальская
Быть мне в ответе за вас.
Как не завидовать главному мастеру
Вот у окна он сидит
Чай попивает да гладит бородушку
Знать на душе не болит
Сам норовит как бы меньше досталося
Нашему брату ткачу
Эх! главный мастер[69] надсмотрщики
Жить ведь я тоже хочу.

Текст песни, записанный рукой Б. Ф. Лебедева черными чернилами, размещен в тетради на л. 4. Текст представляет собой свободную переделку стихотворения С. С. Синегуба «Дума ткача» (1872 год, поэтический отклик на посещение ткацкой фабрики на Выборгской стороне с целью агитации среди рабочих). Стихотворение, изданное в 1873 году в Женеве, довольно скоро получило распространение в России среди молодежи и рабочих в качестве песенного текста; в 1890-е годы текст включается в нелегальные сборники, исполнялся с разными напевами народного происхождения, позже песня вошла в репертуар Н. Плевицкой [Гусев 1988: 464–465].

Из 15 строф стихотворения С. С. Синегуба в текст, записанный Б. Ф. Лебедевым, в заметно видоизмененном виде вошли лишь четыре строфы: 1, 2, 9 и 11. При этом публикуемая версия в целом близка тексту Синегуба, исключение — перестановка строк во 2-й строфе: 9-я строка помещается на место 7-й, что незначительно меняет логику песенного фрагмента, ср.:

Стихотворение С. С. Синегуба	*Песенный текст из собрания Б. Ф. Лебедева*
Делу — помеха; основа попортится! Быть мне в ответе за вас!	Нитки в основе порвались канальская Быть мне в ответе за вас.
‹…›	
Нитка порвалась в основе канальская, Эка канальская снасть!	

[69] Далее слово пропущено, оставлено пустое место.

[4]

1[70] Много песен слыхал я в родной стороне
И про горе, про радость в них пелось
Но из песен из тех в память врезалось мне
Это песня родимой дубины[71]

4 Слышал песню я ту, как певала артель,
Подымая бревно на стропила;
Вдруг сорвалось бревно и замолкла артель
Двух здоровых ребят задавило[72].

2 Англичанин хитрец[73], чтоб роботе помочь,
Изобрел за машиной машину
А наш русский мужик коль роботать невмочь,
Он затянет родную дубину.

3 Не по нотам она эта песнь сложена
Не в концертных залах ее пели
Средь рабочего люда она создалась
И под стоны робочей артели[74]

5 Мужику бедняку нечем подать платить,
Со двора же сгоняли скотину,
И идет он в кабак свое горе залить,
Да затянет родную дубину[75].

11[76] Толстопузый наш поп обирает народ
И мужицкие деньги считает
Да и дьякон с дьячком в этом деле святом
Преусердно ему помогает[77].

6 Как на матушке на Волге, великой реке
Мы ломали и ноги и спину
И нам легче, когда, утопая в песке,
Мы затянем родную дубину[78].

[70] Здесь и далее перед первыми строками цифры вписаны самим Б. Ф. Лебедевым и, вероятно, указывают на предполагаемый порядок следования песенных строф. Мы не стали следовать логике перестроения и публикуем текст в первоначальной редакции.

[71] Соответствует первой строфе авторского текста, кроме последней строки «Это песня родимой дубины» (ср. «Это песня рабочей артели» у Богданова и Ольхина), что объясняется влиянием других строф с упоминанием «дубины» (см. строфы 4, 6, 8, 11, 12).

[72] Строфа не имеет отношения к авторскому тексту, но встречается в других песенных вариантах «Революционной Дубинушки», см. [Песни каторги и ссылки 1930: 84–85, Русские песни 1952].

[73] Первоначально «мудрец», слово исправлено. Строфа позаимствована из текста Ольхина (4-я строфа).

[74] Строфа не имеет отношения к авторскому тексту, но, по указанию Р. И. Фахретдинова, встречается в песенном варианте 1886 года (см. электронный ресурс: [http://a-pesni.org/starrev/dubinuchka.php], образец № 3 «Дубина», 2-я строфа). Близкий вариант: [ФА ИРЛИ. РФ, п. 165, л. 64].

[75] Оригинальная строфа, близкий вариант хранится среди материалов неопубликованного Собрания русских революционных песен [ФА ИРЛИ. РФ, п. 165, л. 65].

[76] Первоначально была поставлена цифра 6.

[77] Вариант антиклерикальной строфы вошел в версии «Дубинушки», опубликованные в изданиях: [Песни каторги и ссылки 1930: 84–85, Русские песни 1952, в обоих изданиях — 8-я строфа].

[78] Данное четверостишие — перефразированный вариант 6-й строфы авторского текста, ср. у Ольхина:

И на Волге-реке, утопая в песке
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь и, чтоб легче тянуть
Мы поем про родную дубину.

Близкий вариант хранится в материалах неопубликованного Собрания русских революционных песен, ср.:

Как на матушке на Волге, великой реке
Он ломает и руки и спину,
Ему легче когда утопая в песке
Он затянет родную дубину [ФА ИРЛИ. РФ, п. 165, л. 64].

7 И коль с лямкой идет, иль железо кует,
Иль в Сибири руду он копает,
Всюду с болью в груди эту песню поет
И дубину везде вспоминает[79].

13 Мы научим народ, чтобы прежде всего,
Он познал своего лиходея, он царя своего и холопа его
Кулака, мироеда, злодея[80].

14 И настанет пора встрепенется[81] народ
Сбросит он вековую кручину
На купцов и господ и на весь царский род
Он сломает покрепче дубину[82].

Говорят, что к работе ленив наш мужик,
Когда ты взбодришь ему спину,
Ну, так, как же не вспомнит родной свой напев
Все про ту же родную дубину[83].

12 По дороге большой по Владимирке вдаль
Арестантов собралася туча
И ведут разговор про родимой свой край
А их слушает лес лишь дремучий[84]

8 По дороге большой, что на север идет
И Владимиркой здревне зовется
Цвет России идет, кандалами звенит
И дубинушка стройно несется

9 Там, где Плевна стоит, есть высокий курган,
В нем солдатския кости не сгнили,
В имянины царя, чтоб ему угодить,
Сорок тысяч солдат уложили.

10 Имяниный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату,
А на родине ветер уныло шумит
И разносит солдатскую хату[85].

Не дивись, что француз лес, лишенный листвы,
Для царя весь цветами украсим
И что вместо цветов губернатор Москвы
Кровью алой Ходынку украсил[86].

[79] Строфа является вариантом 5-й строфы текста Ольхина, ср. «Тянем с лесом судно, иль железо куем».

[80] Вариантов этой строфы обнаружить не удалось.

[81] Вставлено над «и проснется».

[82] Строфа нередко завершает песенные варианты «Дубинушки», ср. [http://a-pesni.org/starrev/dubinuchka.php. Образец № 3 «Дубина» со ссылкой на неизвестный источник 1886 года; Гусев 1988: 421, ПКиС 1930: 85].

[83] Строфа является вариантом 3-й строфы «Дубинушки» Ольхина.

[84] В этом и следующем четверостишиях развивается каторжная тема; в некоторых вариантах песни она получила выражение в одной строфе, ср. [Гусев 1988: 420, 6-я строфа; Песни революции 1923, 6-я строфа].

[85] Фрагмент из двух четверостиший («Там, где Плевна стоит…» и «Именинный пирог…»), с некоторыми изменениями, заимствован из стихотворения А. А. Ольхина «У гроба» (часть «Отпевание»). А. А. Шилов предположил, что этот фрагмент, связанный с «неудачным штурмом Плевны, предпринятым без достаточных подкреплений 30 августа 1877 г. главнокомандующим в Русско-турецкой войне Николаем Николаевичем старшим, братом Александра II в день именин последнего», входил в первоначальный состав строф «Дубинушки», а позже выпал из текста и сохранился исключительно в рукописных собраниях [РО ИРЛИ. Р. V, к. 102, п. 3, л. 485]. Фрагмент вошел в студенческую версию «Дубинушки», звучавшую в 1896 году на сходках и демонстрациях, посвященных полугодовщине трагических событий на Ходынке (с зачином «Есть на Шипке курган»), присутствует в нотной публикации «Дубинушки» 1917 года, см. [Гусев 1988: 419–421, 498].

[86] Исправлено, первоначально — «роскрасил».

Звон идет и растет он по Руси святой
И розносят печальную повесть,
А убийца ходынский пиры задает
Заливая греховную совесть[87].

Раздается гудок и фабричный станок
Всех рабочих калечит ломает,
А ученый их друг, чтобы наполнить досуг,
Снова к Конту опять призывает[88].

Текст, записанный Б. Ф. Лебедевым черными чернилами, размещен в тетради на л. 4 об — 5 об.

В основе текста «Революционной Дубинушки», вошедшего в собрание Б. Ф. Лебедева, лежит стихотворение А. А. Ольхина (первая публикация — 1885 год), которая, в свою очередь, является переработкой широко популярной в 1860-е годы «Дубинушки» В. И. Богданова, впервые напечатанной в журнале «Будильник» (1865. № 60). Как известно, Ольхин сохранил три строфы стихотворения Богданова, а также припев, восходящий к трудовой артельной песне, связанной с корчевкой деревьев. По мнению А. А. Шилова, «Дубинушка» Ольхина была составлена им «в качестве хоровой песни» во второй половине 1878-го — начале 1879 года [РО ИРЛИ. Р. V, к. 102, п. 3, л. 484], М. С. Друскин называет более раннюю дату — 1870 год и высказывает предположение, что и Богданов, и Ольхин писали свои тексты на «голос» уже известной песни [Друскин 2012: 268]. По мнению Е. В. Гиппиуса, в основе мелодии сольного запева «Дубинушки» лежат интонации известной студенческой песни «Не осенний мелкий дождичек», припев — мелодия бурлацкой «Дубинушки». Впервые с мелодией песня была опубликована в обработке М. Слонова в исполнении Ф. И. Шаляпина в 1905 году (см. также: [Гусев 1988: 498]), тогда же получила широкое распространение. История текста и музыкальных версий подробно изложена в работе: [Гиппиус 1962].

Текст, записанный Б. Ф. Лебедевым в тетрадь, представляет собой один из наиболее пространных из известных вариантов «Революционной Дубинушки» (19 строф, вместе с присоединенной к ней «Студенческой Дубинушкой» — 30 строф). Текст строится по принципу кумуляции — нанизывания отдельных фрагментов, каждый из которых повествует о тяжелой доле представителей той или иной социальной страты. Таким образом, ольхинские строфы постоянно перемежаются оригинальными фрагментами, часть которых встречается в других опубликованных версиях «Революционной Дубинушки», а часть обнаружить в публикациях не удалось (см. примечания выше). Помимо основной канвы «Дубинушки» Ольхина, в текст Лебедева вошли две строфы, заимствованные «Дубинушкой» из другого стихотворения Ольхина — «У гроба» (подробнее о нем см. примечание выше).

Можно предположить, что записанный текст никогда не пелся без опоры на запись, а его продолжительность была обусловлена прагматикой исполнения во время длительных студенческих демонстраций, обычно заканчивавшихся столкновениями с полицией. Как указывалось выше, Лебедев в тетрадной записи расставил обозначения, призванные перестроить и сократить текст (см. цифры возле строф), — возможно, это было сделано для какого-то конкретного случая исполнения.

[87] Вариантов двух четверостиший, начиная со слов «Не дивись, что француз», обнаружить не удалось. Между тем этот фрагмент представляет большой интерес, поскольку развивает начатую в предыдущих строфах тему Ходынской катастрофы, которая получила широкий отклик в студенческом политическом движении.

[88] Вариантов последнего четверостишия (скорее всего, появившегося в студенческой среде) обнаружить не удалось.

[5]

Удивил царь весь мир, как царям предложил
Уничтожить военную силу:
«Нам не нужны войска, будем жить как друзья
И забудем родную дубину»

И дубиною той милосердной рукой
Пополняет войска молодежью
И как вспомнишь порой, где твой брат дорогой,
Так невольно подернешься дрожью.

Но пришла та пора и дошло до царя,
Что студенты поднялись за право
Тут по-прежнему он применил без труда,
По-старинному начал расправу.

Но крепись друг родной
За твоею спиной мы поднимемся дружной семьею
Мы сотрем произвол а с ним царский престол
Мы сравняем с сырою землею.

Братья, труден наш путь, надрывается грудь 15
В борьбе с подавляющей силой
Но сомнения прочь, ведь не все ж будет ночь
Луч блестнет и над нашей землею (могилой)[89]

Каждый день каждый час 16
Издавая указ, царь врагов себе сам наживает,
И в России давно страшной злобой полно
Все, что мыслью живет и страдает.

И не день, и не год весь рабочий народ 17
Уж готов на борьбу за свободу
И наш долг ведь восстать и ему помогать
Сбросить с плеч вековую невзгоду[90].

Современный студент мостовую громит
В карильонах сердца покоряет
Хлещет вальс на балах,
За зеленым столом убежденья свои потеряет[91]

И чиновник, и поп обирают народ,
Дворник и купец руки греют,
Современный студент лишь дубину поет
Нагреть руки он после успеет[92].

На Руси, на Святой жандармерии рой
Рой шпиков повсюду шныряет 18
Забегает вперед, забегает назад
Творит суд и расправу Шемяки[93].

[89] Судя по проставленным цифрам, эту и несколько следующих строф Лебедев «присоединил» к «Революционной Дубинушке», предписывая исполнять их после куплета «И настанет пора встрепенется народ…» (см. выше текст [4]).

[90] Слово вставлено вместо вычеркнутого «дубину».

[91] Эта строфа является аллюзией на 8-ю строфу «Дубинушки» Ольхина («Мы пируем при блеске огней на балах»), развивая тему непозволительности праздного времяпрепровождения студентов.

[92] Строфа из «Революционной Дубинушки» (ср. выше [4], 6-я строфа), здесь же к списку обирающих простой народ в качестве потенциального мироеда добавляется и студент.

[93] Вариант этого четверостишья входил в некоторые варианты «Революционной Дубинушки», см. [Гусев 1988: 420].

Эх, та каторга жизнь, вековая страда!
Разболталась вся грудь, от невзгоды
Так пойдемте же братцы
В кобак от труда и затянем дубинушку с горя[94].

Баржу с хлебом везет, иль железо кует,
Иль в Сибири руду он копает,
Он одну эту песнь про дубину поет
Лучше песни он этой не знает[95].

Текст песни внесен рукой Б. Ф. Лебедева черными чернилами в тетрадь на л. 6 — 6 об. Б. Ф. Лебедев записал его более убористым почерком и, вероятно, позднее предыдущего текста. Вместе с тем цифры, проставленные возле нескольких строф (см. строфы 15, 16, 17, 18), позволяют говорить о том, что он мыслился как продолжение «Революционной Дубинушки». Эта песня, получившая известность как «Студенческая Дубинушка», появилась как отклик на принятие «Временных правил» и практик их применения по отношению к студентам в 1900 и 1901 годах, вызвавших всплеск студенческих выступлений (см. об этом в нашем вступлении к публикации). Первые семь строф варианта, записанного Лебедевым, в целом совпадают с вариантом, включенным в неопубликованное Собрание русских революционных песен («Приложение II: Варианты»: «Дубинушка»: 26. «Студенческая Дубинушка»: «Удивил царь весь мир» [РО ИРЛИ. Р. V, к. 102, п. 3, л. 334–335]); лебедевский текст близок и к одному из опубликованных вариантов, в котором отсутствуют строфы 5, 8-12 (см. [Фейдер 1925: 141–142]).

[6]

Отречемся от старого мира
Отряхнем его прах с наших ног
Нам не нужно златого кумира;
Ненавистен нам царский чертог!

Мы пойдем в ряды страждущих братий,
Мы к голодному люду пойдем;
И пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд
Твоим потом жиреют обжоры
Твой последний кусок они рвут

Тебе отдых одна лишь могила
Каждый день недоимку готовь.
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь.

Ему нужны для войска солдаты
Так подайте ему сыновей
Ему нужны пиры и палаты
Подавай ему крови своей.

[94] Вариантов этой строфы, напоминающей традиционные студенческие песни XIX века (ср. песню «Наша жизнь коротка»), обнаружить не удалось.

[95] Строфа является вариантом 4-й строфы «Дубинушки» Ольхина, ср. выше [5].

Не довольно ли вечного горя
Встанем, братья, повсюду зараз
От Днепра и до Белого моря,
Все Поволжье, дальний Кавказ

И настанет година свободы,
За эпохой кровавой борьбы
И сольются в едино народы
В царстве счастья, труда и любви

Текст песни размещен Б. Ф. Лебедевым в тетради на л. 6 об. Песня получила известность с названием «Рабочая Марсельеза» и представляет собой свободную переработку французского революционного гимна, выполненную народником П. Л. Лавровым в 1875 году. В том же году Лавров опубликовал текст с названием «Новая песня» в лондонской газете «Вперед». С 1880-х годов песня постепенно получает все большее распространение в России, но особенно широкая известность «Рабочей Марсельезы» Лаврова пришлась на начало XX века. Песенный текст исполняется (и, по-видимому, был сложен) на видоизмененную мелодию французской «Марсельезы» Руже де Лилля (изменилась не только ее структура, но и манера исполнения, которая приблизилась к русской традиции пения) [Друскин 2012: 397–401]. По предположению Е. В. Гиппиуса, Лавров сочинял текст, имея в виду тот вариант «Марсельезы», который звучит в песне Р. Шумана «Два гренадера» [Гиппиус 1965: 65–66].

Текст, внесенный Лебедевым в тетрадь, имеет отдельные сокращения (выпущены четверостишья «Голодай, чтоб они пировали…», «На воров, на собак…», «И взойдет за кровавой зарею»), остальные части очень точно (за редкими исключениями) совпадают с оригинальным текстом Лаврова. Стоит отметить, что, в отличие от лавровского текста, ориентированного на музыкальную композицию определенного типа, публикуемая версия разбита на четверостишия и — что особенно примечательно — в ней отсутствует обязательный припев, опущенный, вероятно, как нечто общеизвестное, учитывая большую популярность песни в те годы.

[7]

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу
В[ы] отдали все, что могли за него
За честь его, счастье, свободу.
Порой изнывали по тюрьмам сырым,
Свой суд беззаконный над вами
Судьи-палачи изрекли и на казнь,
Идете, гремя кандалами.
А деспот пирует в роскошном дворце
Тревогу вином запивая
Но страшные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая
Падет произвол, и восстанет народ
Могучий, правдивый[96], свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

[96] Слово вписано вместо вычеркнутого «счастливый».

За вами идет верных ратников строй
На подвиг и на смерть готовый
Прощайте же братья вы честно прошли
Св[ой] добл[естный] пу[ть] бла[городный.][97]

Текст песни вписан Лебедевым в тетрадь скорописью черными чернилами на л. 7. В начале XX века эта песня, известная как «Похоронный марш», принадлежала к числу наиболее распространенных русских революционных песен. В основе текста из собрания Лебедева — текст неизвестного автора «Вы жертвою пали борьбы роковой» (вариант 1870–1880 годов см. [Гусев 1988: 346]) и отчасти — стихотворение А. А. Амосова (лит. псевдоним — А. Архангельский) «В дороге» («Идет он усталый, и цепи звенят», первая публикация — в 1878 году, часть текста также легла в основу самостоятельной каторжно-этапной песни). Более запутанной оказалась история выявления авторства мелодии. Подробнее об этом, а также об истории и бытовании песни см. [Друскин 2012: 283–286, 401–406].

Публикуемый текст близок к одной из первых печатных версий «Похоронного марша» (см., например: [Песни борьбы 1902, Гусев 1988: 346]), однако 4-я строфа ближе к каторжной версии (то есть к тексту Архангельского), распространенной среди бывших каторжан и ссыльнопоселенцев, ср. [Песни каторги и ссылки 1930: 28–30]. Можно заметить, что, в отличие от наиболее часто встречающихся версий, в списке Лебедева отсутствуют строфы, описывающие путь каторжан («Идете усталые цепью гремя…» и «Нагрелися цепи от знойных лучей»), но добавлена новая — заключительная — строфа неизвестного происхождения.

[8]

[Резолюция]

Мы, учащиеся в высш[их] учебн[ых] завед[ениях] Москвы на общем собрании 9 февр[аля] 1902 г[ода] в количестве 518 ч[еловек] после всестороннего обсуждения единогласно постановили: ------

Считая ненормальность существующего строя лишь отголоском общего бесправия, мы навсегда откладываем иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на начальных признаниях за личностью публичных прав. Мы уверены, что без этого русская жизнь не движется ни на шаг вперед что лучшие силы будут периодически вырываться из среды общества, что позорное топтанье[98] на одном и том же месте не прекратится.

Мы требуем:

1) Неприкосновенности личности, 2) свободы печати, 3) свободы совести, 4) свободы собраний и организаций, 5) непосредственной ответственности административных лиц, 6) общественности образования, 7) допущения женщин в Университеты, 8) уравнения прав национальностей, вместе с рабочими мы требуем[99] 9) 8[ми] часового рабочего дня, 10) права стачек.

Не признавая настоящее правительство способным к реорганизации общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считаю-

[97] Вариантов этой строфы или источника первых двух строк обнаружить не удалось (во второй части строфа повторяет предыдущую).

[98] Слово вписано вместо вычеркнутого «положения».

[99] Фраза «вместе с рабочими мы требуем» вписана сверху перед цифрой 9, обозначающей здесь предпоследний пункт требований.

щей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созвания Учредительного Собрания. Обще-политическая программа заставляет нас вынести наш протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддерживать наши требования.

Текст студенческой резолюции вписан Б. Ф. Лебедевым черными чернилами в тетрадь на л. 7 — 7 об. О резолюции и студенческой сходке, на которой она был принята, см. в предисловии к публикации.

[9]

Его Превосх[одительство] Госп[один]
Прок[урор] Суд[ебной] Пал[аты]
Бывш[ий] студ[ент] Имп[ераторского]
Моск[овского] Универ[ситета]
юрид[ического] фак[ультета] Борис
Фед[орович] Лебедев, содерж[ащийся]
в Моск[овской] Губер[нской] тюр[ьме]
Прош[ение]

30го апр[еля] сего 1902 г[ода] мне был объявлен приговор через г[осподина] Товари[ща] прок[урора] Моск[овской] Суд[ебной] Пал[аты]. Так как г[осподин] повер[енный?] при Моск[овской] Суд[ебной] Пал[ате] не объявил мне, 1) с какого числа и месяца начинается отбывание мною наказания, 2) засчитывается ли в срок отбывания [нрзб.] предварительное заключение и 3) где назначено мне отбывание [нрзб.], что имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зави[сящее] от Вас распоряжение сообщить мне следующих сведений существенно важных относительно самого содержания приговора[100] сообщить мне, которого времени[101] начинается отбывание мною срока наказания, 2 засчитывается ли предварительное заключение и 3) где мне назначено отбывать наказание.

Черновой вариант прошения со множественными сокращениями и исправлениями записан черными чернилами в тетради на развороте л. 8 об — 9.

[10]

Много песен слыхал я в Бутырской тюрьме
Оне пелись то чаще, то реже
Но одна лишь из них в память врезалась мне
Это песня студентов манежа
Мы спокойно в манеж шли с веселым лицом
Полицейские нас окружили
Еще крепко спала Москва будничным сном
Лишь немногие нас провожали
Но раздался в Москве клич о нашей судьбе
Повалила толпа за толпою
И студенческий клич о народной борьбе по Москве прокатился войной
И в мечтах уж ласкали свободу
Не страшны нам войска, не пугаясь тюрьмы
Мы служили родному народу
Подымали штыки на взволнованный дух

[100] Фрагмент «сделать зави[сящее] от Вас распоряжение сообщить мне следующих сведений существенно важных относительно самого содержания приговора» вставлен сверху на л. 14.

[101] Вписано вместо вычеркнутого «дня».

Целый день наши песни гремели
И ответом на них услаждая наш слух
Словно музыка — стекла звенели
Этот звон говорил, что проснулась Москва
Пробудились в ней души живыя
И готовой к борьбе за свободы права
За Москвою проснется Россия.
Не пришла ли пора Руси смыть свой позор
Братья, царство рабов умирает
И с надеждой живой наш студенческий хор
Новой песней тюрьму оглашает.

Б. Лебедев

Автограф Б. Ф. Лебедева, записано карандашом на отдельном тетрадном листе в клетку, вложенном в тетрадь. На оборотной стороне листа черными чернилами подписано «Б. Лебедев». Песня написана размером «Революционной Дубинушки» и отсылает к ее тексту первой строфой, но не содержит ни упоминания «Дубинушки», ни характерного припева или указания на него, что позволяет предположить, что песня мыслилась создателями как сплошной нарратив, не перебиваемый припевом, что роднит ее с балладой, — в отличие от источника, построенного по кумулятивному принципу. Подробнее об этой песне см. в предисловии к публикации.

[11]

***

Удивил царь весь мир,
Как царям предложил
Уничтожить военныя силы:
«Нам не нужны войска,
Будем жить, как друзья,
И забудем про силу дубины».

Но дошло до царя,
Что настала пора
И восстали студенты за право,
Первым долгом тогда
Принялся без труда,
По старинному он за расправу.

И дубиною той
Милосердной рукой
Пополняет полка молодежью;
И как вспомнишь порой,
Где твой друг дорогой,
Так невольно подернешься дрожью.
Но крепись, друг родной,
За твоею спиной
Мы поднимемся дружной семьею
И сотрем произвол
И сам царский престол
Мы сравняем с сырою землею.

Чтоб в солдатских рядах
От печали не счах,
Запевай-ка родную дубину,
Вспоминая о нас,
Ожидая тот час,
Когда мы отомстим властелину.

Что ни день, что ни час,
Издавая указ,
Царь врагов сам себе наживает,
И в России давно
Страшной злобы полно
Все, что мыслью живет и страдает.

И ни день, и ни час
Весь рабочий народ
Уж готов на борьбу за свободу,
И весь долг наш восстать,
И ему помогать –
Сбросить с плеч вековую невзгоду[102]
Харьков 19 III 1901.

Текст записан рукой Б. Ф. Лебедева черными чернилами на отдельных листах из блокнота в клетку того же формата, что и предыдущая песня, л. 13, 12. Второй лист разорван пополам.

Текст, полученный Лебедевым в Харькове весной 1901 года, представляет собой еще один вариант «Студенческой Дубинушки». Несмотря на другое оформление строф и иной порядок следования 2-й и 3-й, он текстуально близок первым семи строфам варианта, записанного в тетрадь (см. [5]), заметно различаются только 5-е строфы. Текст практически идентичен (в том числе по пунктуационному оформлению) варианту, опубликованному в издании [Фейдер 1925: 141–142], от которого его отличает только отсутствие припева и последней строфы. Вероятно, песня была переписана Лебедевым из рукописного источника, а не записана на слух.

[12]

Лес рубят... молодой еще, совсем зеленый лес.
А сосны старые, задумавшись угрюмо,
И полные неразрешимой думой,
Печальныя глядят в немую даль небес.
Лес рубят... Оттого ли что рано он шумел,
Что песней радостной своей будил природу,
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце красное, про счастье, и свободу.
Лес рубят... Но земля укроет семена:
Пройдут года и с мощной силой
Поднимется борцов зеленая стена —
И зашумит она над братскою могилой

М. Горький[103]

[102] Последняя строфа близка к варианту, цитируемому А. А. Шиловым («И не день, и не ночь тот рабочий народ…», см. предисловие к публикации).

[103] Возможно, ошибочное указание авторства Максима Горького связано с тем, что он, среди других ли-

Автограф Б. Ф. Лебедева, записано черными чернилами на листке из блокнота, л. 13 об.

Стихотворение «Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес…» было написано в начале 1901 года Галиной Галиной (наст. имя — Глафира Адольфовна Ринкс, в первом замужестве — Эйнерлинг, во втором — Гусева-Оренбургская) как реакция на применение «Временных правил» к киевским студентам. После публичного чтения этого стихотворения на собрании петербургского «Союза писателей» в 1901 году поэтесса подверглась административной высылке. В том же году состоялось его первое нелегальное издание (Рабочее дело. 1901. № 10), в дальнейшем текст неоднократно публиковался в сборниках революционных стихотворений, в том числе без указания авторства. Позже стихотворение было положено на музыку несколькими композиторами, песня звучала с эстрады (муз. Баровского, М., 1907), на сходках молодежи и на демонстрациях.

Публикуемый текст имеет ряд небольших расхождений с первоисточником; вероятно, стихотворение было записано Лебедевым на слух или по памяти.

[13]

Беснуйтесь тираны, глумитесь над нами,
Грозите свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы — вольны душой, хоть телом попраны, —
Позор, позор, позор вам, тираны!

Пусть слабые духом трепещут пред вами,
Торгуют безстыдно святыми правами;
Телесной неволи не страшны нам раны, —
Позор, позор, позор вам, тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного рабства,
Народ угнетенный вам копит богатства;
Но рабство и муки не сломят титана —
На страх, на страх, на страх вам, тираны!

В рудниках под землей, за станком и на поле,
Везде раздаются уж песни о воле,
И звуки той песни доходят до тронов —
На страх, на страх, на страх всем тиранам!

Сверкайте штыками, грозите войсками, —
Спасти вас не могут казармы с тюрьмами,
Ваш собственный страх не сковать вам цепями!
И стыд, и страх, и месть вам, тираны!

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объяты все страны —
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны.

Текст песни записан без исправлений на листе в клетку из тетради или блокнота того же размера, что и тексты предыдущих песен, л. 14. Автограф Б. Ф. Лебедева, черные чернила.

тераторов, присутствовал при выступлении Галиной в «Союзе писателей» (см. предыдущую сноску). Интересно, что стихотворение Галиной в дальнейшем часто соседствовало с «Песней о Буревестнике» Горького в публичных исполнениях — см., например, в отчете о литературном вечере в Нижнем Новгороде 29 декабря 1904 года: «Начинается первое отделение. Читают “Буревестника”, “Пробуждение потока”, “Лес рубят, молодой зеленый лес”. Полиция переговаривается с распорядителями — и вечер объявляется оконченным» (Северо-Западное слово. 1905. № 2182). Цит. по: [Дун 1963: 163].

Один из известнейших революционных гимнов начала XX века. Прообразом песни стала украинская революционная песня «Шаліте, шаліте, скаженії кати», сочиненная в 1889 году студентом Львовского университета А. Колесой и распетая на мелодию популярного в то время хора варягов «По морю, морю» из музыки А. Вахнянина к трагедии «Ярополк». В начале 1890-х годов песня получила распространение в Польше в вольном переводе на польский, а затем проникла в Россию. Г. М. Кржижановский, перенявший в Бутырской тюрьме польскую версию от К. Петкевича, сделал русский перевод песни по прибытии в ссылку в Минусинск в 1898 году, и в том же году песня стала известна петербургским рабочим. Впервые текст был опубликован в газете Николаевского РСДРП «Южный рабочий» (1900. № 1. С. 14), вскоре был перепечатан в женевском издании «Рабочее дело» (1900. № 7 (август). С. 36) и в Социал-демократическом календаре за 1902 год (издание группы «Борьба») [Koziowski 1877: 78]. Позже песня неоднократно издавалась в разных версиях и быстро приобрела популярность [Гусев 1988: 457].

Текст гимна, публикуемый в настоящей работе, полностью совпадает с версией, опубликованной в одном из первых изданий — социально-демократическом журнале «Рабочее дело». Полное совпадение не только слов, но и пунктуации не оставляет сомнений в том, что текст, переписанный Лебедевым, восходит к этой публикации.

[14]

Fr. Engels. Zum tode von Karl Marx. der Socialdemokrat (Zurich. 1883. № 21)[104]
duz Lüdwig[105]
Плеханов. Социализм и политическая борьба[106]
Орлов. Формы крестьянск[ого] землевлад[ения] в Моск[овской] губ[ернии][107]
В. В. Итоги земельного исследования России[108]
Волкин. Обоснование народничества. СПб [18]96[109]
Гурвич Об экономич[еском] полож[ении] русск[ой] деревни М[о]СК[ва] 1896[110]
Наши разногласия[111]

Список работ по социально-экономическим и политическим вопросам записан на листе в клетку того же размера, что и тексты предыдущих песен, л. 14 об. Автограф Б. Ф. Лебедева, черные чернила.

[104] Два письма Ф. Энгельса Zum Tode von Karl Marx («К смерти Карла Маркса») были напечатаны в газете Der Sozialdemokrat в 1883 году, издававшейся в Цюрихе, в выпусках от 3 и 17 мая (№№ 19 и 21). Из ссылки в скобках следует, что Лебедев имеет в виду второе письмо; между тем в первом Энгельс, среди прочего, сообщает о поступлении к нему денежных переводов и писем от студентов российских университетов с просьбой возложить на могилу Маркса венки с надписями от их имени. Русский перевод см. [Энгельс 1961].

[105] К чему относятся эти два слова на следующей строчке, неясно.

[106] См. [Плеханов 1906б].

[107] См. [Орлов 1879].

[108] Вероятно, имеется в виду работа «Крестьянская община» русского экономиста и социолога В. П. Воронцова, писавшего под псевдонимом «В. В.» [Воронцов 1892]. Книга вышла в серии «Итоги экономического исследования России (по данным земской статистики)», название которой, по-видимому, и внес в свой список Лебедев.

[109] См. [Волгин 1896].

[110] См. [Гурвич 1896].

[111] Имеется в виду известная работа Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (1884), см. [Плеханов 1906а]. Работы с таким же названием других авторов (Троцкий, Сталин) появлялись позднее.

Литература

Аллой, В. (Ред.). (1993). *Минувшее. Исторический альманах, том 14*. СПб.: Atheneum; Феникс.

Белоусов, А. Ф. (2012). От происшествия — к фольклору: Ленинградские песни-хроники 1920-х годов. *Проблемы истории, филологии, культуры, 36*(2), 284–299.

Бойко, Н. В. и др. (Сост.), Мясников, В. С. (Отв. ред.). (2005). *Иван Михайлович Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами: В 2 кн. Кн. 1: 1900–1934*. М.: Наука.

Бугославский, С., Шишов, И. (Сост.), Гринберг, М. (1936). *Русская народная песня*. М.: Музгиз.

В. В. [Воронцов В. П.] (1892). *Крестьянская община. С вступ. статьей А. Фортунатова Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства. [Итоги экономического исследования России (по данным земской статистики). Т. 1]*. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°.

Веселая, Г. А. (1974). *Массовые общественные выступления московского студенчества в конце XIX — начале XX века (1896–1904)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Московский государственный историко-архивный институт, Москва.

Волгин, А. [Плеханов, Г. А.]. (1896). *Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.): Критич. этюд*. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова.

Гусев, В. Е. (Сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч.). (1988). *Песни русских поэтов: В 2 т. Т. 2*. Л.: Советский писатель. («Библиотека поэта». Большая серия).

Гиппиус, Е. В. (1962). *«Эй, ухнем» и «Дубинушка». История песен*. М.: Советский композитор.

Гурвич, И. А. (1896). *Экономическое положение русской деревни* [Пер. с англ. А. А. Санина]. М.: М. И. Водовозовой.

Гусятников, П. С. (1971). *Революционное студенческое движение в России. 1899–1907 годы*. М.: Мысль.

Давыдов, Д. П. (1858, 19 января). Дума беглеца на Байкале. *Золотое руно, 1858*(3), 9–10.

Друскин, М. С. (1935). Революционная студенческая песня. *Музыкальная самодеятельность, 1935*(4), 12–19.

Друскин, М. С. (2012). *Собрание сочинений: в 7 т., 5: Русская революционная песня*. СПб.

Дун, А. (1963). О двух стихотворениях, предназначавшихся для ленинской «Искры». *Русская литература, 1963*(3), 161–163.

Журнал Министерства народного просвещения. (1902), 340 (март). СПб.: Сенатская типография.

Из нашей общественной жизни (1901). *Искра, 1901*(3, апрель).

Изгоев, А. С. (1991). Об интеллигентной молодежи. В А. А. Яковлев (Сост.). *Вехи. Из глубины*, М.: Правда, 94–118.

Кузин, С. Н., Протопопов, А. И. (1999). Политика самодержавия в области образования и учащиеся накануне первой российской революции. *Ярославский педагогический вестник, 21*(3), 31–35.

Куликова, Г. Б. (2013). *Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: Очерки документированной истории*. М.: Институт российской истории РАН.

Лурье, М. Л. (2018). «Про один кошмарный случай я хочу вам рассказать». Городские песни-хроники 1920-х годов: к вопросу о типологических границах и социальных контекстах функционирования (пост)фольклорных явлений. *Књижевна историја, 164*(1), 9–50.

Мас, В. (1964). Лебедев Владимир Фёдорович. В П. А. Марков (Ред.). *Театральная энциклопедия, 3*. М.: Сов. энциклопедия.

Моэм, У. С. (Автор), Лебедева, Б., Лебедева, Э. (Пер.). (2011). Луна и грош. М.: РИБИС.

Орлов, А. С., Георгиев, В. А., Георгиев, Н. Г., Сивохина, Т. А. (Авт.-сост.). (2007). *Хрестоматия по истории России: учебное пособие*. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект».

Орлов, В. (Сост.). (1879). *Сборник статистических сведений по Московской губернии. Крестьянское хозяйство. Т. 4. Вып. 1. Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. Сост. по поручению Моск. губ. земск. управы В. Орлов*. М.: Изд-во Московского губернского земства.

Песни борьбы. Poésies révolutionnaires. Сборник революционных стихотворений и песен (1902). Женева: Издание Союза русских социал-демократов.

Песни каторги и ссылки (1930). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Песни революции (1923). *Издание Уполкультработы при водопути Н. К. П. С.* Тюмень: Первая Гостипография.

Плеханов, Г. В. (1906а). *Наши разногласия*. [СПб.]: Новый мир.

Плеханов, Г. В. (1906б) *…I. Социализм и политическая борьба; II. Еще раз социализм и политическая борьба.* СПб.: Пролетариат.

Прусский, Я. Л. (2012). Саша Кропоткина и две ее родины. *Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений к 170-летию со дня рождения П. А. Кропоткина (Материалы и исследования)*, 140–147. Дмитров: Музей-заповедник «Дмитровский кремль».

Полное собрание законов Российской Империи. (1902). *Собрание 3. Т. 19: 1899. Отд. 1.* СПб.

Слэттер, Дж. (Публ.). (1995). Письма П. А. Кропоткина проф. Джеймсу Мейвору 1903–1917 гг. *Исторический архив, 1995*(1), 148–149.

Спиридович, А. И. (1928). *Записки жандарма*. Харьков: Изд-во «Пролетарий».

Староверова, И. П. (2005). Лебедев Борис Фёдорович. *Иван Михайлович Майский. Избранная переписка с российскими корреспондентами: В 2 кн. Кн. 1: 1900–1934 / Сост. Н. В. Бойко и др.; отв. ред. В. С. Мясников,* 548–549 (Научное наследство. Т. 31: в 2 кн.). *М.: Наука.*

Старостин, Е. В. (Сост.). (1980). Указатель библиотечных фондов и неопубликованных материалов. *П. А. Кропоткин (1842–1921): Библиогр. указ. печ. тр. [В 2 вып.], вып. 1.* М.: Ин-т истории СССР.

Титов, А. А. (1906, обл. 1907). *Из воспоминаний о студенческом движении 1901 г.* М.: В. М. Саблин.

Ушаков, А. В. (1979). *Практикум по истории СССР периода империализма, вып. 1.* М.: Просвещение.

Федотов, Г. П. (1991). Революция идет. Федотов Г. П. *Судьба и грехи России: Избр. статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1,* 126–172. СПб.: София.

Фейдер, В. (Сост.). (1925). *Хрестоматия по истории классовой борьбы. Ч. 3. Революция в России.* Изд-е 4-е, доп. Л.: Изд-во «Прибой».

Флоренский, П. (2005). Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 году. *Наше наследие: Иллюстрированный историко-культурный журнал, 2005*(73). Режим доступа: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7313.php

Ширяева, П. Г. (1984). Вступительная статья. В П. Выходцев (Ред.). *100 песен русских рабочих*. Л.: Музыка.

Энгельс, Ф. (1961). К смерти Карла Маркса. *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е второе. Т. 19,* 355–362. М.: Изд-во политической литературы.

Koziowski, J. (1977). *Śpiewy proletariatu polskiego.* Krakyw, Polskie wydawnictwo muzyczne.

References

Alloy, V. (Ed.). (1993). *The past. Historical almanac, 14*. Saint Petersburg: Atheneum; Feniks. (In Russian).

Belousov, A. (2012). From incident to folklore: Leningrad chronicle songs of the 1920s. *Problems of History, Philology, Culture, 36*(2), 284–299. (In Russian).

Boyko, N. et al. (Compl.), Myasnikov, V. (Ed.). (2005). *Ivan Mikhailovich Maisky. Selected letters to Russian correspondents: In 2 vols. Vol. 1: 1900–1934.* (Academic heritage. Vol. 31: In 2 vols.). Moscow: Nauka. (In Russian).

Bugoslavsky, S., Shishov, I. (Compl.), Grinberg, M. (1936). *Russian folk songs.* Moscow: Muzgiz.

Davydov, D. (1858, January 19). Thoughts of a fugitive at the Baikal. *Zolotoe Runo, 1858*(3), 9–10. (In Russian).

Druskin, M. (1935). The revolutionary student song. *Muzykal'naya Samodeyatel'nost, 1935*(4), 12–19. (In Russian).

Druskin, M. (2012). *Collected works: In 7 vols. Kovnatskaya L. G. (Ed., compl.). Vol. 5: Russian revolutionary song*. Saint Petersburg. (In Russian).

Dun, A. (1963). On two poems intended for Lenin's "The Spark". *Russian Literature, 1963*(3), 161–163. (In Russian).

Engels, F. (1961). On the death of Karl Marx. In K. Marx, F. Engels, *Works. 2nd ed. Vol. 19,* 355–362. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian).

Fedotov, G. (1991). Revolution is coming. In G. P. Fedotov, *The fate and sins of Russia: Selected articles on the philosophy on Russian history and culture: In 2 vols., Vol. 1,* 126–172. Saint Petersburg: Sofiya. (In Russian).

Feider, V. (Compl.). (1925). *A reader on the history of class struggle. Part 3: The Russian revolution.* 4th ed., with add. Leningrad: Izdatel'stvo "Priboy". (In Russian).

Florensky, P. (2005). Pavel Florensky's, a first-year student of His Majesty's Moscow University, 1901 letters to his near and dear. Compiled by A. I. Oleksenko, T. A. Shutova et al. *Our Heritage, 2005*(73). Retrieved from http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7313.php (In Russian).

From our social life (1901). *The Spark, 1901*(April 3). (In Russian).

Full collection of Russian Imperial laws (1902). *Collection 3. Vol. 19: 1899. Part.1.* Saint Petesburg. (In Russian). (1900). *Workers' Matters, 1900*(6). (In Russian).

Gippius, E. (1962). *"Hey, hit it!" and "Dubinushka". History of the songs.* Moscow: Sovetskij kompozitor. (In Russian).

Gurvich, I. (1896). *The economic situation of a Russian village* [Tr. from English by A. A. Sanin]. Moscow: M. Vodovozovoi. (In Russian).

Gusev, V. (Compl.). (1988). *Songs by Russian poets: In 2 vols. Vol. 2.* Leningrad: Sovetskij pisatel'. ("The poet's library". Major series). (In Russian).

Gusyatnikov, P. (1971). *Revolutionary student movement in Russia. 1899–1907*. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Izgoev, A. (1991). On the cultured youth. In A. Yakovlev (Compl.). *The landmarks: From the depth,* 94–118. Moscow: Pravda. (In Russian).

Koziowski, J. (1977). *Śpiewy proletariatu polskiego.* Krakyw, Polskie wydawnictwo muzyczne. (In Polish).

Kulikova, G. (2013). *The new world through the eyes of the old one. Soviet Russia of the 1920s – 1930s through the eyes of Western intellectuals: Essays on documented history.* Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. (In Russian).

Kuzin, S., Protopopov, A. (1999). The autocratic regime's education and student politics on the verge of the first Russian revolution. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 21*(3), 31–35. (In Russian).

Lurie, M. (2018). "I want to tell you of a terrible incident". Urban chronicle songs of the 1920s: On typological borders and social contexts of functioning of (post)folklore phenomena. *Literary History - Journal of Literary Studies, 164*(1), 9–50. (In Russian).

Mas, V. (1964). Lebedev Vladimir Fedorovich. In P. A. Markov (Ed.). *Encyclopedia of theatre. Vol. 3.* Moscow: Sov. entsiklopediya. (In Russian).

Maugham, W.S., (Author), Lebedeva, B., Lebedeva, E. (Trans.). (2011). *Moon and penny.* Moscow: RIBIS. (In Russian).

Orlov, A., Georgiev, V., Georgiev, N., Sivokhina, T. (Authors and eds.). (2007). *A reader on Russian history: A workbook.* Moscow: TK Velbi, Izdatel'stvo "Prospekt". (In Russian).

Orlov, V. (Compl.). (1879). *A collection of statistic data on Moscow province: Peasant households: Vol. 4. Issue 1. Forms of peasant land ownership in Moscow province: Compiled by order of Moscow provincial county council by V. Orlov.* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gubernskogo zemstva. (In Russian).

Plekhanov, G. (1906a). *Our differences.* [Saint Petersburg]: Noviy mir. (In Russian).

Plekhanov, G. (1906б) *…I. Socialism and political struggle; II. Socialism and political struggle yet again.* Saint Petersburg: Proletariat. (In Russian).

Prussky, Ya. L. (2012). Sasha Kropotkina and her two Motherlands. *Collection of works from the 4th International Kropotkin readings dedicated to the 170th anniversary of P. A. Kropotkin (Materials and studies)*, 140–147. Dmitrov: Muzey-zapovednik "Dmitrovskij kreml'". (In Russian).

Shiryaeva, P. (1984). An introduction. In P. Vykhodtsev (Ed.). *100 songs of Russian workers.* Leningrad: Muzyka. (In Russian).

Slatter, J. (Publ.) (1995). P. A. Kropotkin's letters to Prof. James Mavor, 1903–1917. *Historical Archive, 1995*(1), 148–149. (In Russian).

Songs of penal servitude and exile (1930). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo ob-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. (In Russian).

Songs of revolution (1923). An edition by the waterway People's Commissariat of Railways. Commissioner for culture. Tyumen': Pervaya Gostipografiya. (In Russian).

Songs of struggle. Poésies révolutionnaires. A collection of revolutionary poems and songs (1902). Geneva: Izdanie Soyuza russkih sotsial-demokratov. (In Russian).

Spiridovich, A. (1928). *Diary of a gendarme.* Kharkiv: Izdatel'stvo "Proletarij". (In Russian).

Starostin, E. (Compl.). (1980). An index of library funds and unpublished materials. *P. A. Kropotkin (1842–1921): A bibliographic index of published works [In 2 vols.], Vol. 1.* Moscow: In-t istorii SSSR. (In Russian).

Staroverova, I. (2005). Lebedev Boris Fedorovich. In N. Boyko et al. (Compl.); V. Myasnikov (Ed.). (2005). *Ivan Mikhailovich Maisky. Selected letters to Russian correspondents: In 2 vols. Vol. 1: 1900–1934,* 548–549. Moscow: Nauka. (In Russian).

The Journal of the Ministry of Education (1902), 340 (March). Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya. (In Russian).

Titov, A. (1906, 1907 on the cover). *From the memories of the student movement of 1901 in Moscow.* Moscow: V. M. Sablin. (In Russian).

Ushakov, A. (1979). *A tutorial in USSR history of the imperialistic era, issue 1.* Moscow: Prosveschenie. (In Russian).

V. V. [Vorontsov, V. P.] (1892). *The peasant commune. With an introduction by A. Fortunatov "A general survey of the county statistics on peasant households". [The findings of an economic study of Russia based on county statistics]. Vol. 1).* Moscow: tip. A. O. Mamontova i K°. (In Russian).

Veselaya, G. (1974). *Mass public protests of Moscow students in the late 19th – early 20th centuries (1896–1904)* (Doctoral dissertation abstract). Moscow State Institute for History and Archives, Moscow. (In Russian).

Volgin, A. [Plekhanov, G.]. (1896). *Reasoning for the Narodnik movement in the works by Mr. Vorontsov (V. V.): A critical study.* Saint Petersburg: Tipografiya i litografiya V. Tikhanova. (In Russian).